

**Олег
КАСАТКИН**

АСТРА ПРИБА

ЦАРСКОЕ ВРЕМЯ

Император Георгий. Книга II

Мир императора Георгия

Олег Касаткин

Царское время

«Автор»

2019

Касаткин О.

Царское время / О. Касаткин — «Автор», 2019 — (Мир императора Георгия)

Великий князь Георгий Александрович не собирался становиться императором и даже не задумывался о престоле. Но история сделала внезапный поворот – и вот царь Александр III погиб – да и сам Георгий едва избежал смерти. И теперь ему на себе предстоит узнать – насколько тяжел царский венец – и как воистину неподъемно бремя власти. А еще – попытаться свернуть тысячелетнюю державу с гибельного пути. Но сколько же предстоит сделать – начиная от развития флота и внедрения бездымного пороха и заканчивая... Да нет – царские дела не заканчиваются никогда – разве только со смертью...

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Олег Касаткин

Мир императора Георгия.

Том II. Царское время

«Только тернии и кручи – дорога богов».

Эсхил

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГОСУДАРЬ!»

(Мир императора Георгия)

Вторая книга цикла романов в жанре альтернативной истории – если можно сказать «чистой» альтернативой истории – без т. н «попаданцев», хронологических сдвигов и т.п.

Сюжет связан с личностью сына императора Александра III великого князя Георгия Александровича (в реальности умершего от скоротечной формы туберкулеза в 1899 году).

По стилистике представляет собой классический исторический роман в духе В.Балашова, В.С Пикуля, О.Елисеевой, и т. п, а идейно и композиционно – весьма популярный литературный цикл Е. Красницкого «Отрок» (изд-во «Армада-альфа»)

Всего планируется порядка 10 книг.

Пролог

13 января 1890 года. Санкт-Петербург. Мраморный дворец

Граф Бобринский развел руками

– Я сделал, Ваше Величество все что мог, чтобы не выйти из условий и достигнуть просимых Вами простоты и изящества, но не скрываю перед Вами, мои надежды на благоприятный исход до того слабы, что я даже не решаюсь ничем хвастаться...

Георгий Александрович вместе с Витте только что закончили осматривать выставку проектов памятников отцу.

Сбор средств на строительство памятника самодержцу был объявлен летом и в фонде имелось уже имелось более четверти миллиона тысяч рублей добровольных пожертвований. Этой суммы было не вполне достаточно для начала работ... Посему был собран конкурсный комитет под началом великого князя Андрея Владимировича – на правах президента Академии художеств. Изначально в него должны были войти искусствоведы и члены академии. Но потом как-то он словно сам собой разросся – туда попали представителей разных учреждений включая товарища министра внутренних дел Горемыкина, петербургского градоначальника, представителей от Санкт-Петербургского дворянского собрания, городского головы Ратькова-Ражнова и еще двух гласных Городской думы – Худекова и Крючкова...

Взявший в руки дело губернский предводитель дворянства граф Бобринский разослал приглашения участвовать всем известным скульпторам России и в Европе... В октябре наконец был начат конкурс к участию в котором кого – только и не было и видные мастера Микешин, Залеман, Чижов и Шредер и Забелло, и само собой считавшийся знаменитостью и лучшим скульптором России Опекушин и так далее – вплоть до молодого, но уже известного испанца Альфонсо Кэроля. Задание подписанное великим князем было несколько скомканным и невнятным – «Скульптура должна быть величественной и отражать исторические заслуги Государя и благодарность народа.»

Каждый из скульпторов допущенных к конкурсу, вне зависимости от результата, награждался тысячью рублей, а получивший первую премию удостоивался права на осуществление своего замысла. С учетом того что копии ее предстоит украсить главные площади, набережные и скверы многих российских городов – а еще намечались заказы статуй и бюстов для залов дворянских собраний, судов, государственных и общественных учреждений...

То победа давала не только славу, но и приличный доход не на один год вперед... Условия конкурса были опубликованы во всех ведущих европейских газетах. Ожидания оправдались, если принять во внимание количество представленных проектов.

А вот качество...

Но сегодня так или иначе состоится осмотр моделей и выбор лучшего проекта главным приемщиком – сыном покойного государя. И вот два десятка моделей были выставлены этой аллеей в просторном здании манежа Мраморного дворца и представлены на Высочайшее рассмотрение.

И теперь господин Бобринский переживал – судя по всему ни одна из моделей явно не заслужила одобрения Георгия I.

Молодой император еще раз окинул «аллею» взглядом.

Проект Опекушина – стилобат, на котором на десятиаршинном гранитном пьедестале должна возвышаться бронзовая фигура императора на коне. Постамент украшали символы императорской власти, рельефы на тему истории России и знаменательных событий царствования. Памятник должен был быть окружен балюстрадами... По мнению автора вся композиция выглядела очень торжественно. По мнению Георгия – обыденно и тяжеловесно.

Вот скульптор Иван Берг – пятисаженная конная статуя с фигурами львов у подножия. Лев вообще – то не является геральдическим животным России – но кто поймет художников? Сталось бы и медведей изобразить... Одно хорошо что скакун под императором не спокойный парадный, а лихой рвущийся вперед – этот момент движения передан отменно... Конь хорош, а идея так себе...

Вот вообще нечто невероятное и невнятное – среднее между Александрийским столпом и Трафальгарской колонной. Император опираясь на картинно отставленную саблю стоит на вершине колонны. Внизу на пьедестале с лицевой стороны красовалась надпись: «Царю-Миротворцу Императору Александру III», на противоположной стороне – барельефы, изображающие покойного государя в разные моменты жизни. С правой стороны – барельефы великих князей, членов Государственного Совета, и прочих иных уже покойных деятелей царствования – и даже митрополита московского Филарета.

А вот еще – император в военном шлеме верхом на коне устремляет свой взгляд куда-то в сторону повторяя жест Петра со знаменитого «Медного всадника»... У подножия припадающая к пьедесталу фигура босоногой девушки с косой в русском сарафане – Россия ищущая у монарха защиты. Символ успокоения страны после смут и цареубийства.

Ну по крайней мере нетривиально. Однако все же не совсем то...

Скульптура императора на троне в мантии и венце... Не понравилось – видимо подсознательно автор вспоминал египетские колоссы в Долине Царей и находки в Персеполисе – каменная неподвижность лица и по-ассирийски массивная борода.

Еще в таком же духе – памятник изображает сидящего императора, облаченного во все регалии: скипетр, держава, корона с порфирой. Памятник как гласила пояснительная надпись должен быть установлен на гранитный пьедестал на гранитном же постаменте. По углам постамента расположились четыре коронованных двуглавых орла с распростертыми крыльями. На пьедестале надпись: *«Благочестивейшему, самодержавнейшему великому государю нашему Александру Александровичу всея России»*.

А вот Залеман. Оригинален – ничего не скажешь.

На низком, но широком и массивном пьедестале – античная колесница, запряженная парой могучих коней (опять кони!) Видимо с артиллерийских першеронов мерку снимали. А в колеснице так не идущая к общему стилю, фигура стоящего государя в короне и порфире.

А вот творение испанца.

Георгий нахмурился – ни в какие ворота не лезет! Как написал американский сочинитель готических новелл Эдгар Поэ – «переиродил Ирода».

Статуя императора на коне (о Боже!) не на самом пьедестале, а у его подножия.

А пьедестал у него за спиной и на него творец водрузил композицию аллегорических фигур – Слава, Победа, Благополучие, Правосудие – и еще кто-то – царь не стал вглядываться в надписи.

По бокам – фигуры солдат, знаменосцев, герольдов. При этом пьедестал предлагалось украсить плитами с текстом самых важных указов монарха...

Но вот самый нелепый памятник, – это прославленный Чижев: покойный император стоит, держа в руке глобус на котором барельефом обозначена Россия. Глобус причем держит как заздравный кубок.

Георгий ощутил смутное недовольство.

Дай им волю – так предложат еще и ему поставить памятник прижизненный. Вот уж абсурд – ставить памятники самому себе.

– Извините – но ни один проект мне не приглянулся...

Граф виновато развел руками.

– Я вижу что мнение об упадке монументального творчества – и не только в России, но и в других странах Европы – Германии, Италии и Франции которое я встречал в прессе имеет под собой основу, – продолжил меж тем Георгий.

Но все же я надеялся что лучшие силы привлеченные к делу создадут истинно художественное произведение, могущее действительно увековечить в глазах будущих поколений достойным образом память моего августейшего родителя.

И которое вместе с тем – послужит украшением столицы. К сожалению – я пока не обнаружил ни того ни другого...

Перехватил изумленный взор графа и про себя улыбнулся. Лекции по искусствоведению прослушанные в годы отрочества по воле отца так пригодились.

– Я вижу дело так что памятник должен бы выделяться чем-то особенным, – продолжил он Чем-то соответствующим духу века. Но, как понятно из представленного тут нет ни одной модели что отличалась бы своеобразием, и новыми идеями... Видимо муза не смогла подсказать ни одному мастеру удачное образное решение. Напротив, все увиденное содержание лишний раз убеждает меня в консервативных пристрастиях членов комитета от которых в известной мере зависит характер представленных идей и проектов. Консерватизм не есть нечто плохое – но в данном случае он неуместен, – вынес Георгий вердикт.

– Но как же быть? – всплеснул руками Бобринский. Ведь работу надо продолжать! Может быть вы Государь сообразовали бы выбрать один или два образца для доработки и по вашим указаниям...

Георгий вздохнул.

– Нет – памятник должен быть хорош во всех отношениях – и торопиться тут не следует. Благо вопрос сей может подождать – их так мало – тех которые терпят, – высказался он про себя.

– Что же касается каких-нибудь указаний, то я положительно затрудняюсь их дать, хотя и попробую в общих чертах сообщить мои предположения. Для начала – памятник ставится не одним дворянством, а всеми сословиями России... Об этом тоже надо помнить.

Ну и в целом...

Император подумал какое то время, а потом из кармана мундира извлек бумажник – недорогой хотя и с золотым тиснением. Из этого не подходящего для монарха предмета он достал фотографию. Это был снимок Александра III – самый его любимый – где отец был снят на охоте...

Президент внимательно смотрел на фото где монарх в простом одеянии спокойно курил папиросу...

– Я был бы рад если бы наши мастера имели перед глазами похожий образ.

Но Ваше Императорское Величество – такой памятник ... не будет внушать почтение подданным... – произнес предводитель столичного дворянства.

– Я одобряю то что вы не опасаетесь возражать монарху, – улыбнулся Георгий. Но позволю себе остаться при своем мнении. По всей видимости, вопрос нужно отложить... Нужен еще один конкурс, главным условием должны будут стать выразительность образа и исключение конных композиций.

– Простите – не понимаю...

– Его Величество выразил желание, чтобы памятник представлял из себя только фигуру покойного царя на пьедестале, – желчно пояснил Витте. Лошадей не нужно!

Интересно, осознал ли его мысли растерянный и смущенный президент академии художеств? – подумал Георгий уже садясь в карету. Едва ли – ведь он искренне хотел угодить августейшему заказчику. До чего это сложно – понять подданных. Но он обязан этого добиться.

Часть первая

16 января 1890 года. Зимний дворец

...И таким образом я полагаю господа, что университетская автономия по обыкновению зарубежных университетов – *при уважении сложившихся у нас в государстве особенностей* будет наилучшим способом улучшить дело с высшими учебными заведениями... Для чего и поручил написать сей проект устава... Надеюсь что после того как вы его изучите – услышать от вас предложения о его усовершенствовании – и в самое ближайшее время придать ему силу закона.

В кабинете царском сейчас было народу не так много: девять человек.

Из них семеро представляли собой столпы российской учености – ректоры университетов Российской империи.

Николай Алексеевич Лавровский из Варшавского, Яков Карлович Грот из Гельсингфорского, представлявший Казанский Николай Александрович Кремлев, Федор Яковлевич Фортинский – глава Киевского императорского университета Святого Владимира; уже хорошо знакомый Георгию Николай Павлович Боголепов, глава Дерптского университета Александр Шмидт, и Харьковского – Иван Петрович Щелоков. Несколько наособицу сидел Михаил Иванович Владиславлев – ректор Санкт-Петербургского университета – он самый молодой из гостей выглядел довольно таки неважно. Похоже болен Михаил Иванович... – подумалось Георгию. Нехорошо – сейчас болеть не годится!

Сейчас все посетители ошарашено молчали – и было от чего. Порядки как в европейских университетах... Выборность ректоров... Возможность распоряжаться средствами...

– Но господа прошу помнить – вернул их к реальности голос хозяина кабинета – Кому многое дано с того много и спрашивается.

Боголепов машинально поправив новую Анну II степени торопливо закивал...

– Однако... государь, – поднялся сухой и длинный как палка Шмидт. Да будет позволено мне спросить...

– Вы как я догадываюсь, о праве женщин обучаться в университетах и других высших учебных заведениях? – осведомился монарх

– Да Ваше Императорское Величество – право же мне остается склонить голову перед вашей проницательностью... – чуть склонил голову дерптский ректор.

– Ну я полагаю что сей вопрос как раз прост. Если женщина может быть императрицей и даже... – легкая улыбка и взгляд в сторону Боголепова – профессором университета – то она и подавно может в нем учиться. Наконец если законами Российской империи не запрещено высшее образование женщин в принципе – для чего уже пятнадцать лет работают Бестужевские курсы, то... То тем более не вижу причин не учредить аналогичного и в императорских университетах!

– Но... может проистечь разврат... – растерянно изрек Шмидт – и вычурность фразы выдала человека, для которого русский не родной.

– Пустое! – отмахнулся Георгий. Я решительно не думаю, Александр Александрович, что девицы, сдавшие столь непростые экзамены, станут тратить время на адюльтеры...

Да и если подумать – лучше пусть тратят силы на *естество* нежели и на брошюрки нелегальные и бомбы... – мысленно добавил он.

– Однако же – слабо запротестовал Кремлев – позволю себе заметить... Положим мы – ученое сословье России готовы даже и приветствовать данное нововведение... – в большинстве по крайней мере – после крошечной паузы добавил он поймав осуждающую мину Шмидта. Но общество? Не вызовет ли это волнения и непонимания в нашем народе? Вот не далее как

за три дня до отъезда из Казани слышал любопытную историю приключившуюся в Нижнем – именно по данному вопросу. Её поведал мне митрополит Иоанникий. Тамошний архиерей, заболев, пригласил земского врача – а тот, – добродушно хихикнул Николай Александрович оказался женского пола – из «бестужевки» которых вы, Ваше Величество изволили упомянуть. Дама соответственно предложила духовному отцу раздеться пардон догола. Ну, а архиерей так возмутился этим по его мнению непристойнейшим предложением, что прогнал докторицу что называется взащей.

И без того до сих пор в крестьянских массах нередко полагают что доктора морят народ православный. А уж если женщины – лекари станут частым явлением... Я признаться опасуюсь...

– Однако же, – проворчал Щелков, – никого давно уже не возмущает что женщины принуждены раздеваться перед медиками-мужчинами. Тут мне видится, Ваше Величество, что публика не будет чрезмерно недовольна – не говоря о том что навряд ли найдется слишком много жаждущих получать образование девиц.

– И еще, Государь, – осведомился Фортинский. То что связано с отменой процентной нормы. («Ну да – для Киева это особенно острый вопрос») А что же нам делать со студентами-евреями которые уже учатся на закрытых отныне для них факультетах?

Должен сказать – придание обратной силы закону мало того, что возбранено российским правом, но еще и против справедливости...

– Об этом, Федор Яковлевич, тоже подумали! – пояснил Георгий. Уже готов приказ Министерства просвещения: о переводе их всех в Варшавский и Гельсингфорский университеты.

Лица Грота и Лавровского отразили неприкрытое уныние. Еще бы! Их заведения ожидало нашествие студентов-евреев – правоведов и экономистов – мало того что и без того склонных к смуте так еще раздраженных если не сказать – разозленных.

– Но если они захотят продолжить образование на иных факультетах – никоим образом не препятствовать...

– Позвольте уточнить – как показалось собравшись с силами вступил в разговор Владиславлев. Речь идет о студентах обучающихся за плату или также и о казеннокоштных? («Нездоров – и крепко!»)

– Если ученый совет сочтет какого либо юношу иудейского происхождения способным и достойным получать образование – то никаких препятствий к этому нету.

Для этого собственно и принят новый устав.

– Вот что, Александр Александрович, – обратился он к начальнику охраны когда ректора покинули его кабинет. Хочу дать вам поручение... Выясните что за недуг терзает господина Владиславлева – пусть его посмотрит кто-то из лейб-медиков. И если потребуется – отправьте за мой счет на лечение в Берлин ли Стокгольм. Без промедления займитесь...

* * *

Отпустив ректоров Георгий засел за мидовские сводки.

1 января Королевство Италия объявило Эритрею своей провинцией по какому случаю предлагается признать сей факт. Ну признать так признать.

Пороху на всю Абиссинию не хватило – хоть и пролив немало крови, но босые копейщики и лучники негуса Менелика таки выгнали потомков римлян прочь. Ну хоть чем то поживится...

Вот итальянцы и то земли африканские подгребают. А почему все таки не мы? – меланхолично подумал он.

Нет сил? Неужто не найдется одного-двух батальонов – как находятся у португальцев – и имеют успехи. Несмотря на то что служат в колониях худшие солдаты получающие гроши или

вообще ничего не получающие и живущие на то что вырастили на огородах их негритянские жены – вспомнил он записки Ливингстона и Стенли.

Даже офицеры редко получают свое жалованье от правительства; и живут поборами с купцов и работоторговцев (мерзость однако!) да контрабандой... Однако, и удерживают и даже расширять владения пробуют – правда не в коня корм...

Об этом – следующий отчет.

Перешел Лиссабон дорогу островному льву...

26 декабря прошлого года ставший знаменитым в Европе полковник Серпа Пинту телеграфировал в Лиссабон, что португальская власть была установлена в стране Макололо. (Где эта страна наверное даже в Русском географическом обществе представляют не без труда)

Посол королевы Виктории Джон Петре послал 6 января фактически ультиматум требуя предоставить Великобритании гарантии того, что у Португалии не будет никаких намерений посягнуть на британские владения.

Министр иностранных дел пиренейского королевства Гомеш попытался было разговаривать с британцам на языке дипломатии – что-то говорил о том что Макололо это строго говоря не британская территория и Лондон как будто раньше не был особо заинтересован в этом забытом диком уголке дикого материка... Выражал надежду что все удовлетворятся статус-кво... Упоминал что Португалия уже и так пошла на уступки...

Но Великобритании этого было мало – Лиссабону было фактически приказано убираться со спорной территории. Не много ни мало в дело пошла вся Атлантическая Эскадра. А средиземноморская эскадра пришла в Гибралтар – остановившись в опасной близости от берегов маленького королевства располагавшего всего парой десятков канлодок и старым крейсером.

Крейсера флота Её Величества появились возле Лоренсу-Маркиша, острова Сент-Винсент и Келимана.

После чего англичане прямо пригрозили высадить десант если их требование не будет выполнено.

Португальский Совет после краткого раздумья решил уступить англичанам безоговорочно и 12 января король Карлуш подписал приказ, по которому из Макололо были выведены все португальские силы.

Георгий вздохнул. Воистину – хотя Англия это маленький остров в половину не самой крупной губернии – но своим броненосными стаями он объемлет весь мир.

И уж тем более небольшое и бедное государство не имеет шансов в мировой борьбе. Спасибо хоть Лондон пока что не отбирает у тех же португальцев с испанцами или датчан их старые заморские владения.

А что если... – вдруг возникла у императора мысль... Может быть стоило бы предложить покровительство России Португалии и Испании?

И в самом деле – он же без пяти минут близкий родственник короля Португалии. Что если создать в Европе этакий тройственный союз – Россия, Португалия, Испания. А может и Италия – облизывающаяся на турецкие земли в Северной Африке? И всем совместно начать защищать интересы перед лицом Англии.

И рискнуть войной с первой державой мира? Ну рискнули же в 1877 году? Отец впрочем относился к той войне без восторга...

Георгий покачал головой. Случись не дай Бог война России с бриттами – то на суше их есть чем встретить и даже сбросить десанты в море. Но например на Дальнем Востоке все кроме Владивостока будет почти сразу и беспрепятственно сожжено огнем корабельных пушек – да и за Архангельск например он бы не был спокоен. А вот причинить существенный ущерб англосаксам российский флот не сможет – крейсерские рейды на торговых путях плюс защита собственных берегов – и то пока превосходящие силы не перемелют не столь уж многочисленные корабли под Андреевским флагом. А если к такому союзу примкнет – и Франция не

любящая Англию и опасаящаяся немцев? И тем самым Германский Рейх получит в лице британцев лучшего и сильнейшего союзника – а тут и Австрия... Ох – тонкое это дело – европейское равновесие. Нет – видимо не время – вынес Георгий вердикт и похоронил проект. Может когда-нибудь потом...

Но флотом заняться придется в любом случае. Выиграть морскую войну ясное дело Россия не сможет – но сделать цену победы непомерно высокой – это видимо возможно.

Так что как бы Иосиф Владимирович не хотел – урезать морские ассигнования в пользу армии не получится.

А с африканскими землями все же надо подумать – вроде еще есть незанятые территории с королями которых можно бы договориться... Есть же Великое княжество Финляндское или Кокандское ханство – почему бы не быть великому княжеству например Дагомейскому? Уж точно туземцы не будут как некоторые финны мечтать чтобы немцы отобрали их землю у России.

Черт – так ведь и поручить рассмотреть этот вопрос некому – уж точно не МИДу – там про Африку знают разве только то что в ней живут негры и слоны с гориллами.

С кем бы посоветоваться? И не припоминается ведь никто!

Ладно – что еще ведомство господина Гирса там прислало?

А есть еще и военное ведомство и бумаг из Совета Министров. Хорошо хоть министерство просвещения не докучает – Танеев воистину проявил там свое искусство дирижера заставив чиновников играть согласно и верно – не хуже оркестра Мариинского театра.

* * *

15 января 1890 года. Московский императорский университет.

Заседание ученого совета шло уже третий час – нужно было обсудить все что касалось нового устава и успеть внести в него поправки.

Так что Боголепов даже объявил перерыв и профессора с доцентами вышли в коридор задымив папиросам – ни дать ни взять студенты после лекции.

Но и так сказать в кулуарах обсуждение продолжилось.

...Как мы однако ошибались... Если б я не был юристом и не писал в студенческие годы работу о процессах против чародеев в Средние Века – я бы решил что некая француженка околдовала нашего Императора... Экстраординарный профессор Алексеев недоумевающей покачал головой.

– Да вы правы – кивнул Склифасовский. Кто бы мог ожидать?! Столь резкий, однако, поворот от нашего обскурантизма и ретроградства...

– Положим «кухаркины дети» – это можно было бы объяснить влиянием советников – почти все они в конце концов прошли школу Александра Освободителя! – поддержал коллегу Эрисман. Но женское высшее образование?! Это неслыханно даже для Европы! Подозреваю господ, что нам надо готовиться к паломничеству заграничных студенток!

– По мне так бы и ничего – лишь бы плату вносили в срок! – рассмеялся и огладил себя по обтянутому жилетом брюшку ординарный профессор Филлипов – занявший место подавшего в отставку Ковалевского.

«Нет господ – увольте! Во всех смыслах – увольте! Плетью обуха и в самом деле не перешибешь и если на то воля царская – так тому и быть! Но двух Ковалевских Московскому императорскому университету будет слишком!»

(Однако, впрочем, поговаривали что намного больше чем прием на службу в университет его родственницы Максима Максимовича оскорбило то что Боголепов не представил его к ордену).

– Ну я во в последнее время думаю что не в одной m-l d'Orleans дело... – вновь завел речь Алексеев. Не забудьте про матушку царя! Мария Федоровна родом из либерального Датского королевства. Дания, Скандинавия – взять хоть то что и Софья Васильевна именно там удостоена впервые титула академика...

– Вы позволите? – прозвучал негромкий женский голос. Беседующие невольно оглянулись на миловидную даму средних в длинном коричневом строгом платье.

На лицах их невольно отразилась некая растерянная неловкость – они еще не привыкли что в их мужском многоумном собрании отныне с полным правом обретается женщина.

– Господа и коллеги, – с улыбкой (видать растерянность ученых мужей от нее не укрылась) – продолжила Ковалевская. Вы знаете господа мне так кажется что ни Елена Парижская ни даже скорее всего Ее Величество вдовствующая императрица тут не причем.

– Э... вы уверены? – недоверчиво переспросил профессор Павлов.

– Я как вы знаете далека от придворных интриг – но накануне моего приезда в Москву имела беседу с господином Танеевым. И он мне сообщил что был выбран лично государем Георгием Александровичем – вопреки мнению Двора. Весьма высокие особы предлагали на эту должность господина Мансурова...

Кое кто изобразил недовольную гримасу – сей чиновник был многим знаком по Цензурного комитета...

– Сергей Николаевич... – его высокопревосходительство господин Танеев (проницательный слушатель бы отметил как подчеркнуто почтительно выговаривает Софья Васильевна чины и титулы) рассказал о беседе с государем при его назначении на должность. Из нее он понял что нашему царю нужна грамотная и ученая Россия. Я позволю себе высказаться как доктор философии... – Его Величество понимает нынешний век и его требования – лучше многих – даже присутствующих – не удержалась от колкости профессор Ковалевская. В наш век прогресса, век пара и электричества, – больше чем когда-нибудь, нужна сила, чтоб поспеть за другими. Сила ума прежде всего. Более четырехсот миллионов китайцев, несмотря на массовую стадность и фанатизм, – только беспомощная игрушка в руках англичан и французов. Эта некогда великая мудрая страна: свидетельство все того же сурового и неизбежного закона истории. И Китай и Индия ведь были покорены не одним только пушками: пушки – и иногда недурные – были у тех и других. Я беседовала как-то в Париже с одним умнейшим индусом-инженером – он воевал в рядах мятежных сипаев... – размышляла вслух Ковалевская. Сила толп и пушек без разумного и образованного общества – ничто... Османы... – легкая улыбка возникла на ее губах, – ныне сами испытывающие на себе истинность собственных слов говорили так – «Сильный победит двоих, храбрый – десятерых, знающий – тысячи». Когда то европейские мастера стремились украсть османские секреты, а в Стамбуле работал автор недурного даже для сего дня учебника алгебры – бухарец Али Кошчи. И что же ныне?

Великий Петр скоро как две сотни лет тому назад еще решил этот вопрос для России и отрадно что высшая власть наследует в этом вопросе великому царю.

В дверях появился Боголепов и попросил господ профессоров вернуться к делам.

Обсуждение продолжилось.

– Однако же чувствую я в этом нечто грустное, – качал головой Жуковский. Получается что отныне нам придется учредить свою собственную полицию и надсмотрщиков наподобие гимназических педелей! Своих собственных! Держать студентов в ежовых рукавицах, и если надо разгонять их сходки – и все самим. **Нам** – и приказывать грубым отставным солдатам тащить собственных студентов в карцер? Право же не знаю...

– Ну, что касается карцера, Евгений Николаевич, то на этот счет можете быть спокойным, – ехидно передернул плечами Мрочек-Дроздовский. Сие уже не актуально – отменилис-с карцеры. И будет ли это к пользе – вот извините не уверен! А что до педелей с университетской полицией – так ведь лучше пусть мы по отечески накажем своих недорослей, нежели власти

пошлют их по этапу в места не столь отдаленные! Кроме того, – он многозначительно погладил бороду, – не забываем что тот момент когда нам должно будет разгонять буйствующее студенчество мы будем определять сами... Полагаю что при небольшой предусмотрительности мы сумеем избежать того о чем говорил Его Величество господину ректору – введения на территорию университета полиции и казаков. Ну и сам студенты, в конце концов, должны понимать что лучше им пойти на встречу властям университетским – которые им как вы отметили, почти *свои* – нежели потом отведавать березовой каши от властей официальных.

– Стипендию бы вот повысить не помешало, – деловито бурчал на другом конце стола Филиппов. Четыре рубля – это ведь по нынешнему времени не деньги!

– Зря вы так! – возразил приват-доцент, философ Новгородцев. Он был еще молод и не забыл видеть студенческие голодные и бедные годы. Четыре рубля – это возможность снять хоть и худой, но угол! А десяти рублей хватит еще и на щи с житным хлебом! («Положим, на пустые щи конечно!») – при этой мысли живот приват-доцента напомнил о временах студенчества ощущением неизбывной пустоты в желудке).

– Что меня более всего затрудняет в предлагаемом, – Боголепов был сама серьезность, – так это граница между правами учащихся за плату и казеннокоштных. Да и в общем смысле... Мы знаем благодаря Уставу, что входит в обязанности наши и студентов – но вот как это сопрягается с правами?

– Позвольте, Николай Павлович, высказать мнение по этому поводу? – с места поднялась Ковалевская.

Я как раз хотела высказаться... В заграничных университетах и высших школах давно уже в ходу «контракт на обучение» – в котором соответственно среди прочих есть раздел права и раздел обязанности.

– Это годится для студентов обучающихся за плату, – хмыкнул профессор Гамбаров с кафедры гражданского права. Но что касается тех кто поступил за счет казны – тут как быть?

– Отнюдь! – покачала головой Софья Васильевна. Ведь по сути – за них ведь тоже вносится плата – пусть и государством. И соответственно контракт на обучение то же – всего лишь в нескольких пунктах разница.

– Несколько секунд общество взирало на нее с откровенным изумлением.

– Господа! – воскликнул профессор уголовного судопроизводства Вульферт. Как право-вед я испытываю откровенный стыд – что столь очевидный выход нам подсказали со стороны!

– Думаю что юридический факультет в ближайшие дни разработает проект образовательного договора! – тут же как ни в чем не бывало, взял ход обсуждения в свои руки ректор.

...Расходились уже в глубоких сумерках.

– Неужели это то о чем мы мечтали? Царь-либерал... – забывшись пробормотал Столетов, когда они вышли из парадной Московского университета.

Оказавшийся поблизости Боголепов покачал головой.

– Да нет же! Вспомните слова профессора Ковалевской. *Ему* нужна грамотная Россия – дабы быть вровень с соседями. Конечно же будучи служителем наук я это всецело одобряю, – опять же просвещение есть начало свободы – как говорили еще энциклопедисты... Но вот что до либерала... – ректор вздохнул. Поверьте старому человеку, помнящему еще *николаевские* времена! Нет – *Он* кто угодно только не либерал. У тигра лапы тоже мягкие, но вот когти ох какие острые! Не приведи Господи, если он их выпустит! Или забыли как не так давно *он* с нами разговаривал...

В тот же момент на другой московской улочке беседовали два других профессора – но уже с историко-филологического факультета.

– Право же я не знаю, – размышлял вслух экстраординарный профессор кафедры русской истории Барсов, и в голосе его звучала явная растерянность. Георгий Александрович ... его решения... Они парадоксальны и выверены! Это не похоже ни на его великого деда ни тем

более на отца... Некоторые вспоминают Петра Великого – но то был совсем другой царь... Буря, натиск, ураган... На слом все что стоит на пути без разбора... А тут прямо таки математический расчет и вместе с тем непреклонность! Как в шахматы грает – честное слово!

– Вы знаете, Евгений Василевич – качнув высокой бобровой шапкой, сообщил собеседник – глава кафедры мидиевистики Виноградов. Я тут пытался искать какое-то совпадение по характеру... И мне кажется – нашел... – и словно опасаясь чего то вполголоса, вымолвил. – Может быть – новый Иоанн Третий пришел к нам в лице этого мальчика?

– Дай Бог, чтобы не Четвертый! – ответил Барсов. И повторил – Дай то Бог! «Но впрочем – в свой срок мы это узнаем!»

* * *

20 января 1890. Санкт-Петербург. Министерство просвещения.

– Да – учебная программа должна давать знания! Знания и умения ими пользоваться! Но она не должна доводить учащихся до бесцельного переутомления, телесного и нравственного истощения их организмов, подрыва уважения к себе, потере аппетита к жизни, анемии всех сил и иссыханию разума. Сергей Николаевич сделал паузу и налил воды из графина в тонкий стакан и осушил одним духом дабы прогнать сухость в горле. – Я понимаю, господа, – продолжил он обведя взглядом зал. Собравшиеся – сплошь немолодые солидные люди в вицмундрах и при шпагах («Экая беда – а я свою забыл опять!») почтительно слушали. – Многие из вас скажут – зачем заводить речь об этих старых и скучных вопросах? Образование наше – худо ли или хорошо – давно уже сложилось и есть ли смысл чего-то существенно менять? Я не согласен с этим. Решительно не согласен! Вопрос образования – без малого едва ли не самый острый и больной для Матушки-России – после хлеба насущного. Неизбежно и необходимо возвращаться к нему, как необходимо землепашцу опять и опять возвращаться к своей ниве. И это не старый вопрос, потому что каждый год в наши старые гимназии и народные училища приходят новые дети! Новые заметим себе дети, а не старые! – позволил себе он пошутить... И рутине с косностью в нашей школе не место! Чтобы понимать смысл обучения надо уметь смотреть вперед. Ибо нации не делятся на большие и маленькие. Они делятся на культурные и некультурные. А значит – на исторические и неисторические – те кто служит орудием и пищей для исторических наций – как африканские племена или индейцы.

...Танеев мысленно еще раз удивился. Сейчас перед ним – собранные почти со всей европейской России попечители учебных округов и директора гимназий – персоны солидные, выслужившие свои должности годами... А он – не достигший тридцати пяти лет человек говорит им с повелительным наклоном – и они внимают. Воистину как солдаты перед фельдфебелем! – вспомнил он разговор с Государем в первый день своего министерства. Вот он сейчас представил им реформу обучения – вдвое урезана латынь – в пользу иностранных языков, российской истории и географии, греческий язык вообще убран – и никто не возразил. Достаточно оказалось знаков отличия статского советника – чтобы все эти уважаемые люди – но ниже его чином слушают и мотают на ус. «Не место красит человека, а человек место? Это если только человек – маляр!» – вспомнил он шутку Козьмы Пруtkова. А по правде – то орден или знатный чин дает авторитету побольше ума да учености. Ну-с и используем сие для доброго дела... – Сознать все вышесказанное – вот первейшая ваша обязанность! – продолжал он. Обязанность учителей будь то столичная гимназия или уездное училище! Ибо образование есть еще и гарантия у государства в его дальнейшем существовании... Не будем же вязать бесполезных гирь на ноги тем, кому и без того предстоит тяжелый путь в гору жизни. Не будем кормить затхлой соломой нашу молодую силу! Ибо только сила – сила разума и наук может поднять нашу державу и наш народ на вершину истории! И закончив речь решительным

жестом, сошел с кафедры. Без команды гимназическое начальство встало и разразилось аплодисментами... «А шпагу все таки надо будет привыкнуть носить!»

* * *

Указ об утверждении новой редакции Университетского Устава 1884 г. (Извлечения)

1. Утвердить Ученый Совет в качестве высшего органа управления высшим учебным заведением или Университетом.

1.1. На Ученый совет возлагаются нижеследующие обязанности.

Выборы ректора с последующим утверждением Е.И.В.

1.2. Выборы деканов факультетов с последующим утверждением министром просвещения.1.

1.3. утверждение на должность профессоров и приват-доцентов.

1.4. Установление Правил поступления, оплаты и прохождения учебы.

Установить что инспекция и инспекторы учебного заведения подчиняются исключительно Ректору.

2. Пост попечителя упраздняется

3. Из наказаний исключается наказание арестом и карцером.

Оставление лишь Выговора с лишением стипендии и исключения.

4. Вводится Императорская стипендия в размере 48 рублей в год для успевающих студентов.

5. Вводится Императорская надбавка к стипендии в размере 10 рублей в месяц – для талантливых и благонадёжных студентов.

6. Постановить что срок обучения в высших учебных заведениях устанавливается в пять лет, за исключением медицинских.

Срок обучения в медицинских высших учебных заведениях устанавливается в семь лет. до 1895 года

7. Успешно окончившим высшее учебное заведение присваивается звание бакалавр.

Защитившим диссертацию 2-го класса – звание магистра, защитившим диссертацию 1-го класса – звание доктор.

8. Вводится Императорское вспомоществование в виде ежегодных выплат магистру в размере 100 рублей, доктору в размере 200 рублей.

9. Отменяется требования получения разрешения от инспектора для поездок в каникулы.

10. Запрещается прием иудеев на экономические, финансовые и правовые отделения всех высших учебных заведений Российской Империи.

11. Отмена процентной нормы для иудеев для поступления в прочие отделения высших учебных заведений по всей территории Российской Империи.

12. Учреждается Совет Ректоров при Императоре. 13.Отменяется запрета с учетом п.10 на обучение женщин во всех высших учебных заведениях Российской Империи на любых отделениях. 14.Установление полного равенства прав женщинам в области обучения в любых высших учебных заведениях. 15.Действие п.10 не распространяется на территорию генерал-губернаторства Варшавского и Великого Княжества Финляндского

* * *

В комнате был приятный полумрак, тяжелые портьеры на окнах пропускали внутрь солнечный свет весьма скупо.

На ковре в середине комнаты стояла высокая стройная полуобнаженная девушка. Ее густые темно-рыжие волосы рассыпались по плечам, красивое лицо освещала многозначительная улыбка... Зыбкий газовый свет отблескивал на округлых плечах, высокой и крепкой почти неприкрытой груди, гладком животе... Узкие, изящные босые ступни тонули в высоком ворсе ковра. Странного кроя блузка и короткая юбка ничего не скрывали.

Вероника подняла руки за голову и соблазнительно прогнулась выпячивая грудь на которой сквозь батист выделялись твердые соски... Георгий окинул ее взглядом с ног до головы ощутив поднимающуюся волну и внутри нее растекалась волна она затуманивала ему голову и подчиняла себе... Изящная небольшая грудь. Широкие бедра. Стройные, но не худые ноги; с высокими лодыжками и без выделяющихся икр... Да – стройные ножки как сказал поэт нечасто встретишь в России...

И глаза – словно живые драгоценные камни!

Пальцы его задержались на застежке ее сорочки, и он потянул за нее. Вероника задержала его руку:

– Пожалуйста, не рви ее. Я ее шила два дня – сама придумывала...

Согласно кивнув он осторожно расстегнул черепаховую фибулу...

Через минуту ни единого клочка ткани уже не скрывало ее скульптурной лепки тело – не знал бы и не подумал никогда что у этой юной красавицы есть ребенок...

Тело её затрепетало, но не от холода и даже не от предвкушения. То, что она почувствовала, было чем-то иным... Чем-то способным свести ее с ума, заставить отбросить сдержанность, стыд и робость.

– Ты меня поцелуешь? – спросила она. (Из всех она единственная назвала его на «ты» в первый же день)

И улыбнулась – и эта улыбка казалась и очаровательной и порочной

– Пожалуйста!

Он склонился к ней и нежно прижался губами к ее соску.

Руки Вероники взметнулись вверх и обхватили его плечи.

– Георгий, – сказала Вероника, и это было все, что она была способна произнести.

Только его имя.

Вероника положила голову ему на плечо, и он воспользовался этим, чтобы поцеловать ее еще раз.

Веронике казалось, будто она тает, расплавляется в его объятиях. Наслаждение нарастало до тех пор, пока она не смогла думать больше ни о чем...

– Ты так красива, – бормотал он ей на ухо. – И такая необыкновенная, Вероника!

Георгий прижался к ее обнаженному телу...

А потом не осталось ничего, кроме наслаждения, ничего, кроме жара, распространившегося по всему телу...

Ее тело поникло в его руках, но в следующий момент она повернулась в его объятиях, заставила его опустить голову и прихватила зубами его нижнюю губу. Ее тело снова затрепетало от властного зова плоти... Он положил руки на плечи Веронике и смотрел на нее, радуясь, что видит ее всю – ее жгуче янтарные глаза были полны страсти, а бронзовое тело источало желание.

– Не спеши! Позволь мне! – произнесла Вероника, оторвав его от своей груди и в свою очередь опрокидывая его на подушки. Встав на колени, она принялась ласкать губами его плоть. – А тебе нравится то, что я делаю?

– Да, очень, – прошептал Георгий, с трудом сдерживая страстный стон. Не удержался добавил с восхищением

– Ох – развратница!

– У меня был очень развратный супруг, – произнесла она в ответ.

Вероника редко вспоминала об этом человеке – отце своей дочери – и всегда упорно называла его мужем – хотя венчание как выяснилось было фальшивым – с его приятелем – актером в роли попа и кражей ключа от часовенки у пьяного дьячка... Георгий вдруг подумал что эта наполовину русская – наполовину цыганка, попросившая после первой их встречи в подарок ружье, единственная из этих маминых фрейлин что моложе его... Но единственная кажется по настоящему взрослой. А еще – из всех них он больше всего будет жалеть о ней – которую знает чуть больше месяца. У него никогда не было... такого единения с женщиной. Никто никогда не лучился счастьем просто потому, что он был рядом. Было всякое. Желание – да. Страсть, удовольствие... Но не радость.

...Вероника страстно поцеловала его, а он чувствуя что женщина бьется в конвульсиях наслаждения... Испытав взрыв бешеного восторга юная женщина открыла глаза на ее лице было написано блаженство.

Они долго лежали молча...

– Когда ты меня оставишь – не надо мне искать мужа... – вдруг произнесла она.

* * *

...Само по себе происхождение Вероники Романовны Антоновой было не таким чтобы удивительным...

К примеру когда в свое время в обществе узнали, что князь Голицын женился на таборной цыганке Саше Гладковой, об этом конечно посудачили – но быстро привыкли...

Женились на цыганках знаменитый поэт Афанасий Фет, князь Масальский и князь Витгенштейн, миллионеры вроде уральского горнозаводчика Нечаев, а в роду графов Толстых даже двое сразу – брат писателя Сергей Николаевич, и дядя – печально известный Федор-Американец. (Определенно семейство это с большими странностями!)

И не про одного великого князя шутили что в Новой Деревне – цыганской слободке под Петербургом бегает немало детей на него похожих.

Отец Вероники – Роман Антонов князем или графом впрочем не был. Был он сыном небогатого костромского помещика – офицера войны 1812 года и венгерской певицы привезенной им из заграничного похода.

Рано потерял родителей – холера... В свой срок окончил школу гвардейских подпорщиков и поступил в драгуны не думая ни о чем ином как служить царю и Отечеству до смерти...

Служба молодого поручика закончилась быстро – в 1849 году в венгерском походе в Трансильвании – когда он отказался выполнять приказ. Никакой «голос крови» про который любят рассуждать немцы тут был не причем. Просто однажды его батальонный командир приказал ему расстрелять пленных гайдуков.

На что Роман Степанович возмущенно ответил:

– В бою убью столько врагов, сколько рука рубить не устанет! Но это пленные и я не могу...

Пленных само собой все равно расстреляли, а сам поручик Антонов отделался (особенно по николаевским временам) легко – отставка без мундира – как ни крути, а дело то было щепетильное, так что шума предпочли не поднимать.

(Был опять же слухок что зверство батальонного объяснялось тем что в том бою погиб его адъютант также являвшийся и любовником)

Ушедший на службу восторженным юношей Антонов вернулся домой угрюмым и опустошенным человеком.

От скуки занялся небольшим конным заводом бывшим при имении, и на удивление довольно быстро поднял дело.

Жил бирюком, избегал гостеваний у соседей и пирушек, осенних и зимних охот... А весь кураж выпускал несколько раз в год на ярмарках куда гонял табуны вместе со своими мужиками – такими же угрюмыми лихими людьми не боявшимися ни Бога ни черта – только своего дикого барина. Так дожил он до сорока без малого лет, пока однажды как-то раз остановился поблизости от Антоновки табор цыганского барона Гурия Селиванова. А с ними – и младшая его дочь – Аглая. Хоть и не было той шестнадцати еще, но уже прославилась она – не только как красавица из красавиц, но и как знаменитая конокрадка. Говорила молва что не хитростью ли ловкостью, но какими-то неведомыми цыганскими чарами приманивает и угоняет она лошадей – хоть из охраняемый конюшен сводит, хоть из табунов на вольном выпасе – даже на глазах у десятка сторожей... Ни разу не оставляла она никаких улик и всегда выходила сухая из воды. И не диво что дерзкая девка нацелилась на стада Антонова! Как то подобралась в одиночку к пасущимся в ночном коням и повела их за собой, пока пастухи задремали... Все да не все... Уже было свела Аглая коней да примчались вызванные подпаском стражи во главе с Антоновым. Стремительно вскочила Аглая на неоседланного коня – на Рукосуя – как вспоминал отец – который и вырастившего его конюха Еремея сбрасывал через два раза на третий и понеслась прочь. Пока прочие ловили разбежавшихся лошадей, Антонов в одиночку погнался за бешеной цыганкой уводившей самого дорогого жеребца из его табунов.

«Девять тысяч серебром давали – но я ж не дурак!» – приводила Вероника отцовские воспоминания... Жеребят от него по пятьсот без торга брали!»

Гнал наугад через ночной лес, в дикой безумной скачке – однако же настиг, отобрал нож за который та схватилась, и спутанную, стреноженную не хуже кобылы привез в усадьбу... Что случилось дальше – неведомо никому. Говорили одни что приворожила его ведьма цыганская, а другие – что просто узрев при дневном свете несказанную красоту воровки вмиг влюбился в нее прежний дикий барин.

Но так или иначе – когда на третий день набравшиеся смелости табор пришел к воротам имения и отец Аглаи собрался просить смиростивится над непутевой дочкой обещая любой выкуп, Роман Степанович вышел ему навстречу под руку с бледной Аглаей облаченной в господское платье и сообщил что намерен жениться на его дочери и сам по этому случаю желает выкупить её из табора.

(При этом физиономия его была расцарапана, как если бы отставной поручик сразился с парой разъяренных кошек).

Остолбеневший «барон» потрясенно молчал минут пять, а потом вдруг сорвал шапку и хлопнул ей оземь да и рывкнул так что кони присели.

– Я, барин, детьми не торгую! А если дочка моя тебе не для потехи нужна, а для честной жизни – бери так! Но чтоб прямо сейчас обвенчался!

...Так Аглая, ставшая Аглаей Гурьевной Антоновой утвердилась хозяйкой Антоновки и сердца мрачного конезаводчика. Носила французские туалеты будто бы всю жизнь этому училась, вела дом не давая прислуге воровать, хотя иногда забывшись могла машинально есть с ножа...

Шло время, у Антоновых один за другим родились шестеро детей – четыре сына и две дочери. Все на редкость вышли люди приличные и разумные – старший сын обучался ветеринарному делу в Париже, готовясь стать отцовским восприемником, средний пошел по коммерческой части, младший даже выбрал для себя духовную стезю поступив в семинарию... Военной карьеры правда никто не избрал – видать отцовский опыт отохотил...

Но вот младшей – в Веронике видимо кровь разных народов смешавшись подобно вину с коньяком дала совершенно адскую смесь. Да – красота ее заставляла говорить о себе чуть ли не всю губернию, но манеры ужасали чопорных провинциальных матушек искавших невест своим сыновьям... Ну что это за невеста у которой на уме скачки по лесам и полям заставляющие только качать головами отцовских конюхов да стрельба – правда не по дичи – чтоб девицу на

охоту брать такого быть не могло – а по тарелочкам. Никакого приданого честное слово не захочешь!

А в семнадцать лет... В семнадцать она сбежала из дому – не с табором и не с проезжим офицером – как бы полагалось в пошлом водевиле, а с баритоном из гастролировавшей в Костроме труппы.

Вернулась она через год – с разбитым сердцем и крошечной дочкой...

Как однажды рассказала Вероника, отец в тот день вышел к ней стоявшей на коленях у порога родного дома с ружьем – видать намереваясь своей рукой покарать блудную дочь. Но увидев ее, исхудавшую, в лохмотьях с младенцем на руках – бросил двустволку и разрыдавшись убежал в дом...

Явившаяся следом Аглая Гурьевна ругала, забывшись, Веронику по-цыгански и по-русски словами совсем неподобающим, а в конце отхлестала по щекам... А потом забрав плачущую малышку принялась ее укачивать...

...В то время у соседей Антоновых гостил родственница Оболенских-Нелединского знавшая о том что Вдовствующая Государыня набирает новых фрейлин, и хотя как будто столь явно скомпрометированная девица и не могла даже формально вступить в число их – написала мадам Нелединской о необыкновенно красивой девушке которая при этом надежд на замужество не имеет и вообще для неких обязанностей по-видимому вполне пригодна.

И вскоре в дом Антоновых пришло письмо из Ведомства Императрицы Марии с приглашением Веронике приехать в Петербург для получения вспомоществования...

* * *

...Шум у двери и звук упавшей мебели прогнали мысли о чудесной женщине пристроившейся рядом.

Вскочив с постели Георгий с недоумением смотрел на женскую фигурку в лисьей шубке у дверей той самой потайной лестницы.

– Ольга?! – он машинально прикрылся простыней.

– Да ваше величество! – сообщила баронесса фон Мес. Это я.

– Как ты тут оказалась?

– Приехала на извозчике из Царского Села...

– Да? – с некоторой растерянностью кивнул Георгий. А...

– А ваши люди внизу, государь, пропустили меня ибо уже знают что мы с вами друзья... – с той же улыбкой ответила Оля.

Не смотрите на меня так Вероника Романовна – между тем так же мило улыбаясь продолжила Ольга с некоторой опаской надо сказать взирая на выбравшуюся из постели Веронику.

Лицо у той было недоумевающее злым – того и глади по примеру диких цыганских предков вцепится в волосы конкурентки... Просто... я подумала что этот дворец хоть и мал, но уж для трех тут места хватит – и указала на разобранную постель. А потом принялась раздеваться...

Вероника посмотрела на нее, затем вдруг в полной растерянности села на постель и зачем-то натянула на себя лежавшее на полу одеяло...

А Георгий Александрович Романов, Император всероссийский, царь Польский, государь Туркестанский и прочая и прочая все еще не знал как ему себя вести дальше. Вызвать слуг и вывести невесту что задумавшую баронессу, а может быть как ни в чем не бывало одеться и попрощаться с дамами?

Но так ничего и не решил – предоставив в конце концов всему идти как шло.

Еще подумав что может быть лучше было бы сначала поужинать при свечах, поговорить о том о сем, но...

Залпом осушив бокал с шампанским, Ольга – оставшаяся абсолютно обнаженной наклонилась и поцеловала его в губы.

Она почувствовала, как он обхватил ее руками выскользнула из его объятий. На этот раз все будет так, как хочет она! Сдернув с него простыню, она забралась на кровать, а он просто лежал на спине, отдаваясь во власть ее движений. Она была возбуждена: сознание того, что она возвышается над ним, заставляет его подчиняться своим желаниям, использует его, – все это распаляло ее. Ее охватила волна жгучего наслаждения.

Ольга вздрогнула, ощутив его прикосновение, и почувствовала, как падает в бездну, а потом взмывает ввысь.

Тело баронессы изогнулось, и она вскрикнула, удивленная новой волной наслаждения.

– Еще... Еще... Нет, Георгий, возьми меня... Георгий.

Он вошел в нее властно, но не слишком резко, и Ольга застонала от блаженной истомы.

Но это был еще не конец.

– Ольга – что ты делаешь?!

Вероника не смела открыть глаза. Мягкие нежные ручки нежно гладили её плечи и грудь. Молодая женщина страстно впиалась ей в губы Вероника обняла ее и обвила ее стройное тело... Поцелуи становились все жарче Вероника чувствовала как рука баронессы вдруг касается ее ягодиц и губы Ольги касаются ее соска... Потом она обнаружила что Георгий чуть отодвинув Ольгу оказался сверху...

Вероника с жаром отвечала всем движениям его тела, встречала его на полпути и полностью принимала в себя.

– Милая... О Боже...

* * *

Пока лакеи бесшумно убирался в спальне, Георгий смотрел из окна на удаляющиеся сани в которых покинули этот дом две прелестных женщины... Как это ни странно, у него появилось нелепое ощущение, что так все в сущности и должно быть...

* * *

Полковник Кауфман угрюмо сидел в своем кабинете на первом этаже Зимнего дворца. Кабинет его был лишен признаков роскоши – скорее напоминая апартаменты провинциального полкового командира.

Рабочий стол в виде буквы «Г». Над ним – лампа-молния с калильной сеткой, с помощью специального блока она поднималась и опускалась над столом. Весь стол плотно завален отчетами и рапортами и делами дворцовых служителей. Тут же вишневая курительная трубка и мраморная пепельница. И все. Ничего не должно отвлекать от дел. А дел было много. Исполняющий должность «Дежурного при Его Императорском Величестве генерала» был занят – он изучал бумаги.

Согласно заведенному еще при Черевине порядку все что касалось безопасности монарха и его Семьи доводилось до сведения начальника охраны немедленно.

В Муроме задержали пьяного расстригу. Он в трактире вещал что в Петербурге бунт, полицию перебили, чиновников режут, а царь едва успел ускакать на коне в Кронштадт... А вот другое – не столь смешное. В Нижнем Новгороде при обыске подозрительной мастерской обнаружен начатый подкоп и инструменты применяемые для минного дела... Также была найдена бутылка с жидкостью для зарядки гальванической батареи системы Гренэ.

Сам хозяева – снявшие дом якобы под гравировальную мастерскую мещане Гордей Петров и Лука Турасов (паспорта как уже ясно фальшивые) успели скрыться. Местная полиция

правда подозревает что это уголовные подбравшиеся к стоявшему через улицу зданию Русско-Азиатского банка – но жандармы ведут особую проверку.

Это уже породило волну разговоров что мол «нигилисты» в ожидании визита Государя – который якобы будет венчаться в Нижегородском соборе (странный однако слух), заранее сняли лабазы и ведут подкопы под все главные улицы, чтобы взорвать царский кортеж и всех тех, кто с ним будет.

Но это все пустяки – вздор и чушь. Высечь дураков – болтунов – и все дела.

А вот это уже серьезнее.

Арестованный на днях буквально народоволец Юделевский в присутствии агента желчно предъявлял претензии друзьям по организации. Мол Первое марта де не принесло успеха оттого что революционеры изменили своим собственным словам что «что цареубийство будет производиться систематически» и оружие не будет сложено до тех пор, пока самодержавие не сдастся... И что нужно вернуться на это путь. Возобновить и расширять борьбу террористическую, не давать правительству ни минуты передышки, «будить выстрелами и взрывами спящую Россию» вселять ужас в сердца верноподданных, смущать колеблющихся, и ободрять тайных сторонников... Ну, а если уж нынешний царь не по зубам – то надо убивать его слуг и опричников. Ну – с этот то уже не опасен – если не петля то бессрочная каторга обеспечены.

Сообщения из Привислинского края.

Некий Викентий Матушевский – портной-социалист и член рабочего кружка – как доносят также агенты рассуждает о всем том же – о цареубийстве. Правда не так как можно было бы ожидать. Дескать, убивать нынешнего «мальчишку-царя» смысла нет – что толку если не он правит, а двор и родня? Нужно одним ударом покончить со всей династией как хотел Халтурин. «Если бы на месте этого неумелого русского мужика был я или другой настоящий польский борец – Польша была бы свободна уже десяток лет!» – приводит его слова бумага. Халтурин, Халури...

Однако же не зря с прошлого года режим в Зимнем усилен и все помещения где царь бывает – особенно рабочий кабинет получили особый порядок охраны. Никто в отсутствие императора не мог входить в них, а после отъезда императора из резиденции кабинет опечатывался. А слуги и мастеровые могут заходить в эти помещения для уборки и разного рода мелкого ремонта только в сопровождении чинов Дворцовой полиции.

Надо потребовать от ее главы Знамеровского чтобы от этого правила отступлений не допускали.

Из-за границы державы – из Парижа – сообщают – хотя тоже о поляках. Старый бунтовщик и смутьян – еще 1863 года – и член какого-то «Интернационала» – Валерий Антоний Врублевский в присутствии Феликса Волховского и Дебогорий-Мокриевича с Судзиловским (народовольцы успевшие удрать) рассуждал о польской «вильности» – о чем же еще? И привел в пример ирландцев. Старая уже история – в октябре 1883 года в лондонском метрополитене в один день взорвалось две бомбы подложенные «Шинн Фейн». Более полусотни пассажиров получили ранения. А всего в течение полутора лет в Лондоне было тринадцать таких взрывов. И ни одного динамитчика не удалось поймать! Британцы наводнили столицу полицейскими, запретили на месяц продажу взрывчатых веществ и так далее, и тому подобное...

Но взрывы продолжились... И немудрено – ведь весь Лондон под охрану не поставишь. «Динамитная война» закончилась лишь тогда, когда члены британского парламента поставили вопрос о введении в Ирландии «гомруля», то есть автономии. Сильнейшая мировая держава попятилась и отступила перед горсткой храбрецов. Неужели же мы – поляки – создавшие могущественнейшее европейское государство? – вопрошал Врублевский – хуже каких то пьяниц с жалкого ничем не примечательного островка за спиной которых ни славной истории ни взятой Москвы ни отбитых от Вены турецких полчищ – вообще ничего?

(«Однако какая ж гордыня и самодовольство!» – покачал головой Кауфман)

Метрополитена в России нет и никогда скорее всего не будет – не по силам варварам такое («Тьфу, пшекская морда!»). Но есть железные дороги, вокзалы, присутственные места...

Подобрать организацию из хорошо говорящих по русским поляков, найти средства, обучить их изготовлять гремучий состав чтобы не зависеть от одной мастерской – и власть будет бессильна...

Это сообщение надо будет отослать Плеве и Шебеко. Однако ж эти поляки и впрямь как больной зуб – и рано или поздно нужно будет что-то делать. Ну да слава Господу это не его, Кауфмана забота!

Но от этого опасностей не меньше. Вот перехваченное письмо в Лондон Степняку – Кравчинскому – от кого узнать не удалось – вез его студент ехавший в Берлин к которому подошел на вокзале некий господин обыденной внешности и попросил бросить его в почтовый ящик по прибытии в Германию. Мол послание даме сердца, а он не хочет рисковать тем что строки любви прочтут полицейские ищейки-перлюстраторы... Известный корреспондент в числе прочего пишет следующее: «Ни для кого в столице не является секретом что нынешний царь похотлив как гимназист... (Ну что за сравнения – не иначе по русской словесности «два» будучи тем самым гимназистом имел). В этом аспекте возможно было бы поискать среди девушек разделяющих идеи освобождения России ту которая по внешности могла бы рассчитывать попасть в его *хarem* и тем самым бы стать для мсье Жоржа тем кем была Юдифь для Олоферна...» Как раз что называется в строку!

Да – увы – навсегда прошли времена Николая Павловича когда царь в одиночестве гулял с любимым пуделем по столице даже и не думая ни о какой угрозе... Коротко постучав, в дверях появился денщик.

– Ваше благородие – к вам поручик Сарматов.

– Пусть войдет...

Лейб-гвардии поручик Сарматов Евгений Степанович оказался черноусым высоким, стройным, молодым человеком высокого роста. Пролистав еще утром его дело полковник понимал – перед ним обычный по сути петербургский гвардеец.

Скачки, карты и вино время от времени – адюльтер с замужней скучающей чиновницей или купчихой... Служба – лишь от сих до сих. Прикажут изучить картежницу Норденфельда или этот новомодный пулемет Максима – изучит досконально, а так – даже не поинтересуется.

– Итак, господин поручик – сухо бросил Кауфман – прошу вас доложить о позавчерашнем происшествии. Как случилось что вы допустили к Его Величеству постороннюю даму? – Ваше превосходительство – начал Сарматов. Я хочу сказать что в данном случае...

– Не хочу знать ни о каком таком случае! – отрезал полковник. Ибо вы *во всяком случае* обязаны не допускать к охраняемой особе посторонних. Но вы ее допустили? Не так ли?

– Так точно! – согласился Сарматов. Допустил! Но...

– Так почему? – прямо глядя на него осведомился Кауфман.

– Но Александр Александрович...

– Господин полковник!

– Но господин полковник! Ведь эта так сказать дама... она...

– Что именно – «она»?

– Ну... – поручик замялся. Ммм...

– Вы язык проглотили, Сарматов? – процедил Кауфман. Итак – к Его Величеству без доклада как вы наверное должны знать имеют право входить ограниченный круг лиц. Весьма ограниченный. Напоминаю – это господа Бунге, Гурко, Победоносцев, Чихачев, Витте, Плеве, Вышнеградский, Воронцов-Дашков, Половцев, Николаи, Манасеин, великие князья, Вдовствующая Императрица, и ваш покорный слуга! Всё! – резко взмахнул он рукой, словно отсекая список допущенных особ от прочих.

– Только не говорите мне что перепутали мадам фон Мес с господином Победоносцевым!

Ну что молчите?! – повысил голос Кауфман. Или мне попросить вас освидетельствовать в Военно-Медицинской академии на предмет здравого ума?

– Эта дама – любовница Георгия Александровича... – выдавил из себя поручик.

– И что с того? – демонстративно пожал полковник плечами. Сердечные дела Его Императорского Величества вас, извините, не касаются. Вас касается порядок несения службы. И даже будь Ольга Иоганновна фон Мес трижды *чьей-то* любовницей – все равно вам следовало сообщить о ее визите царю, а потом уже впускать.

– Но я не мог сообщить Его Величеству... – в полной прострации бормотал поручик.

Он был... занят.

– Так и надо было подождать пока Государь – Император закончит общаться с госпожой Антоновой и потом доложить о визите, – с видом человека разъясняющего глупцу очевидные истины изрек Кауфман. Кстати – вспомнил вдруг полковник донесения... Вы насколько хорошо знакомы с баронессой?

– Я не... – испуганно забормотал поручик. Господин полковник – я бы никогда...

Кауфман взъерился. Воистину полный кретин! Вообразил, что начальник охраны заподозрил его в пашнях с наложницей монарха!

– То есть недостаточно хорошо? Я так понимаю видели мельком может быть один или два раза. Так?

– Трижды...

– Но тем не менее вы пустили ее не спросив ни пропуска, не удостоверив толком личность и без должного сопровождения которое бы подтвердило ее статус и право посетить Охотничий домик? Я прав?

– Так точно. Я виноват... Но я подумал что возможно... Сами понимаете дело весьма особое и щекотливое... – глупо улыбнулся Сарматов.

– Хорошо... – изо всех сил сдерживая брань резюмировал Кауфман. Собственно на этом можно было бы и закончить. Но я все же снизойду до объяснений.

Полковник нахмурился. Голос стал резок и сух. Он встал, упершись в столешницу ладонями, и вперив тяжелый взгляд в растерянного подчиненного с искренним сожалением продолжил.

– Не знаю – бывали ли вы на театрах и как часто – но искусство хорошего гримера делает похожей на означенную баронессу любую даму подходящего сложения и типа. Даже если на то пошло и вас можно загримировать, так что в пяти шагах вас не отличишь от особы слабого пола! Среди убийц государя Александра Николаевича было две женщины, а недавно террористку вынашивавшую замысел на цареубийство вздернули в версте отсюда – в Петропавловке.

Тут кажется до Сарматова начало что доходить. Он с неподдельным испугом уставился на начальника. – Я не говорю уже о том, что и помимо этого в вашем поведении есть и обычное разгильдяйство – какое и в гарнизоне в каком-нибудь... – крохотная пауза – Царевококшайске недопустимо! Вы понимаете что все это означает... для вас? Он покачал головой, показывая, что аудиенция окончена. У поручика похолодели ладони:

– Я подам рапорт... о переводе... – вымолвил он непослушными губами. Кауфман с готовностью подвинул через стол лист ин кварто:

– Пишите. Лучше прямо здесь и сейчас. Рапорт надо подать... по команде, конечно.

Вы знаете форму? – Так точно. Но... господин полковник, я не могу... сразу. Ведь надо... Это же... это же – надо подумать... – забормотал полностью раздавленный лейб-конвоец. Полковник поморщился:

– Хорошо. Подумайте. Но – быстро. Я бы как так сказать в качестве старшего... товарища... рекомендовал бы Омск или иной отдаленный гарнизон. Во всяком случае, не позже как через четыре дня дело должно быть кончено. Это крайний срок: в вечер четверга в числе офицеров Конвоя не должно быть поручика Сарматова. Можете идти. Поручик хотел спросить

о чем-то, но что лицо полковника приняло особо значительное выражение, и Кауфман движением руки оборвал неначатый разговор.

– Идите же!

...Ну, а сейчас будем разбираться с лакеями. Само собой не с простыми, а с более важными птицами. Гоф-фурьер Прохор Афанасьевич Первачев, год рождения одна тысяча восемьсот пятьдесят второй, сын дворцового истопника, в службе с... Ладно – не важно.

Вошел человек в ливрее и шароварах с позументом. Лысоватый, упитанный, с пышными баками и гладко скобленным подбородком. Курносый нос напоминавший пельмень белесые короткие ресницы – мужик и есть мужик...

Ну да не князьям же в конце концов закуски подавать! Тут другое важно...

– Ну – я жду твоих объяснений Прохор Афанасьевич – добродушно начал Кауфман.

Что ж ты так обмишулился? Вроде не первый день и год в службе?

Он вышел из за стола, прошелся взад вперед по холщовой дорожке.

– Мое дело маленькое, – смиренно ответил слуга, но в голосе как показалось внимательному царедворцу проскользнула некая издевка. Если что-то особам августейшим надо, то мы исполняем, – а прочее нам не по чину, Ваше превосходительство.

– А ну-ка изволь объяснить Прохор Афанасьевич?! Или ты порядка не знаешь? – с прежним добродушием тем не менее продолжил Кауфман. Я конечно знаю что ваша дворцовая шатия-бартия к себе незнамо кого водить норовит с черного хода и вино после балов допивает – и к порядку не очень приучена! Но тут все ж таки царь...

– Именно что Ваше превосходительство, – ЦАРЬ! – важно поднял лакей палец вверх. Мы люди маленькие, – повторил он. Если заденешь кого или хоть слово поперек скажешь – тем более такой особе которая от Его Величества совсем близко – поближе вас извиняюсь... Одного же слова ее хватит чтоб тебя тут и духу не было!

Он печально вздохнул изображая всем видом жалкое смирение – маленького человека у ног гигантов. Но глазки блестели какой то неприятной сальной хитринкой, мол ваша честь не про нашу честь... Не будь этого полковник может и спустил бы оплошавшему слуге – и впрямь кто ж виноват что бестолковая бабенка повела себя не так как следует? Но вот это выраженье глаз – выражение наглого пронырливого холопа...

– Ты шельма не юли! – рыкнул Кауфман. Как стоишь перед старшим по чину?

– Я к вашему сведению Ваше Превосходительство – в третий раз неверно протитуловал гоф-фурьер собеседника – сам имею чин четырнадцатого класса, и кричать на меня не положено по закону! Опять же мы не по военному ведомст...

Молча развернувшись, Кауфман ударил Первачева кулаком, ставшим казалось двукратно тяжелее обычного, – ударил в зубы от души. Затем без замаха как бы нехотя ударил опять – кулаком в солнечное сплетение – как учил его наставник в английском боксе – вольноопределяющийся Шершневич в давние годы. Дворцовый служитель сложился пополам, и полковник не сдержавшись пнул его сапогом. Тот растянулся у ног начальника охраны, корчась от боли. Гоф-фурьер трудом поднялся все еще кривясь. Кауфман грозно глядел на него снизу вверх – как на полураздавленного таракана. Распухшая вмиг губа перекосила лицо синие, навывкате, глаза смотрели испуганно. Полковник ухватив того за грудки, поставил на кривые ножки. Лицо толстячка было искажено ужасом, бакенбарды стали дыбом. – Нет! Нет! Не надо-о!!! – в отчаянии завизжал он. – Классный чин?! – заорал между тем Кауфман. – Классный чин говоришь?? В п... де у б...ди твой классный чин! С таким аттестатом вылетишь со службы что тебя в дворники не возьмут!! В извозчицкой пивной будешь блевотину за мужиками подтирать! Затем сорвал испачканную кровью перчатку и бросил на пол.

– Пошел вон, скотина! – рявкнул он, замахиваясь на постанывающего придворного кулаком.

* * *

Вечер того же дня. Улица Большая Морская 16 Ресторан «Кюба»

Кауфман пил. В одиночестве в кабинете ресторана он пытался что называется залить душу. Перед ним был уставленный бутылками стол и блюдо со стерлядью на пару... А метрдотель был предупрежден чтобы здешние «дамы» гостю не докучали. Пил он не потому что хотел напиться – но чтобы прогнать напряжение и забыться. Получалось скверно... При привычках и обычаях гвардейской службы ко времени производства в ротмистры или капитаны даже у трезвенника окончательно вырабатывается устойчивость по отношению к хмельному. Кауфман не был исключением – мог пить помногу и не пьянея. Что золотое «Аи» и столетние вина что дрянную сивуху в убогих шинках на маневрах где-нибудь под Вильно. (Правда все ж он не доходил до самых разгульных гвардейских забав вроде «лестницы» или «волков» – когда раздевшись догола, высказывали на мороз, куда половой выносил господам офицерам лохань с шампанским – чтобы они став на четвереньки хлебали из сего сосуда и выли по-волчьи.) И уже убедился что у него не выйдет успокоиться таким способом. Но если нельзя было убить тоску то можно было убить время. Время тонуло в фужерах, умирало в лязге столовых приборов и взвизгах скрипки доносившихся из общего зала... Как однако гадко на душе... Так скверно ему было лишь однажды – когда еще свежеспущенным подпоручиком в знаменитом в гвардии салоне мадам Зизи он стал свидетелем как молодой барон Штарк после обильного возлияния желая показать удаль перед друзьями – сослуживцами решил сыграть в «гусарскую рулетку». И револьвер то выбрал вроде как безопасный – здоровенный Лефосе на двадцать один патрон... Это же так весело – зарядить одну камору в барабане, раскрутить и поднести к виску. И потому когда грохнул выстрел Кауфман как – он готов был поклясться – никто из весло выпивающих и обнимающих «модисток» товарищей не понял что произошло – точнее не поверил. А потом разом протрезвев от ужаса бросились кто к дверям кто к распростертому телу... Визг девиц, портовая брань «мадам», кроющей на чем свет стоит мертвого дурака испортившего репутацию заведения, такая же брань из уст полкового командира на следующий день... Кауфман пил. Мгновениями сквозь гул голосов, наигрыш оркестра, сквозь табачный густой дым приходили тени того чего не было и быть почти наверняка не могло. Но что обречено было стать его кошмаром. Личным кошмаром, манией и паранойей оберегателя жизни монарха...

...Знакомый интерьер Охотничьего домика в Петергофе... Пляшущий в ладони бессмысленный уже «смит-вессон». Такие же бессмысленные пашки и карабины в руках конвойцев. Хохочущая девица в пеньюаре с незнакомым в то же время знакомым лицом по которому течет размазанный грим – лицом на котором написано яростное торжество полной победы. Не лицо человека – лик Медузы-Горгоны внушающий бесконечный обреченный ужас... В ее руках – длинный окровавленный кинжал. Красные пятна на мебели и обоях... Нагое женское тело на ковровой дорожке за которым тянется кровавый след идущий к дверям – оставшийся когда несчастная пыталась спастись. И еще одно тело – молодого мужчины на огромном ложе лежащего навзничь среди вороха окровавленных простынь...

И дальнейшее – вертящееся в сатанинском калейдоскопе... Синие жандармские мундиры. Черные прокурорские. Безжизненное лицо седой старухи в которую обратилась Мария Федоровна – смотрящей на него – *виновника* – и не видящей. Серые стены камеры Шлиссельбурга... Сенатские своды увиденные уже не из зала, а с *той самой* скамьи... И неизбежное осознание невозможности что-то исправить. ...И каждый раз злей и угрюмей опрокидывал в горло очередную порцию коньяка русский немец и артиллерист которому отныне уже не стрелять из пушек – Александр Александрович Кауфман. Но как же все скверно! Судьба его государства и России зависят от того – взбредет ли какому-нибудь шляхетному выродку или просто

начитавшемуся брошюрок болвану из поповичей или разорившихся мелкопоместных – кинуть бомбу в карету...

– Лучше уж с турками воевать, с англичанами, с азиатским туземцами... Там враг понятен виден – там с ним можно хоть договорится... Но с этими бомбистами... – самому себе пожаловался Кауфман. Ну нет уж! Ничего у этих мерзавцев не выйдет!

– Только через мой труп! Вопрос чести... Именно – а никак иначе! А вы что думали, господин поручик? – чуть заплетающимся языком бросил он не то Сарматову не то еще кому.

* * *

Постановление Совета Министров о внесении изменений

Во Временные правила о евреях»:

1. Воспрещается евреям заниматься любой юридической деятельностью
2. Воспрещается евреям заниматься финансовыми промыслами любого рода
3. Воспрещается евреям приобретать земельную собственность на всей территории Российской империи
4. §§ № 1–3 не распространяются на территорию Варшавского генерал-губернаторства и Великого княжества Финляндского
5. Отменить положение Правил от 1887 года о запрете евреям, живущим в деревнях переезжать на постоянное место жительства из одной деревни в другую.
6. Для наилучшего устройства положения о подданных иудейского вероисповедания учредить особую комиссию во главе с Министром Внутренних дел Плеве В.К.

* * *

Совершенно лишняя логика и стройности политика в иудейском вопросе!

Батьянов передает мнение якобы сходящее от царя – дескать нам нужны евреи – сапожники, токари, плотники, а евреи адвокаты и прочие подобные нам без надобности.

Другие говорят о влиянии Плеве – тот юдофоб наивысшей пробы, но озабочен тем что черта оседлости переполнена евреями, по большей части не находящими себе достаточного заработка, и это де является постоянною угрозою для общественного спокойствия. Завтра этот полицмейстер в министерском кресле чего доброго сочтет что фасоны шляпок угрожают этому общественному спокойствию...

Иные впрочем кивают на мадемуазель d'Orlean – дескать эта линия Бурбонов по некоторым слухам особенно не любит евреев. Или и в самом деле она его просила не только эмансипировать жесницин, но и ущемить иудеев?

Александра Богданович «При четырех императорах»

* * *

Англия. Туикенхем. Сент Питерс Роуд. Особняк герцогов Орлеанских

...Ну, относительно евреев ты точно его не просила, – прокомментировал Луи-Филипп откладывая газету.

– Нет, – почему то вспыхнула Елена. Не просила и не буду... Императору Российскому наверное лучше знать как ему поступать с его подданными. И добавила.

А если говорить начистоту я не понимаю – отчего так все носятся с этими... людьми. Несчастные и угнетенные... Я тут изучая принесенные мадемуазель... она поморщилась и выговорила по слогам Ага – фок – ле – йя справочники узнала что иудеи составляют в иных местах до половины от числа купцов Первой гильдии. А уж как во Франции угнетают Ротшильда...

Добрая усталая улыбка появилась на лице графа.

– Оставим этот вопрос. Но отрадно что ты читаешь русские издания. И наверное не только статистические справочники?

– Конечно. Вчера я закончила мсье Тургенева... эээ – «Охотничьи рассказы»?

– «Записки охотника» – поправил Луи-Филипп.

– Да – именно так! Еще прочла книгу Жюль Верна «Михаил Стогов» в русском переводе – Папа, но это же ужасно! – покачала она головой. Какие абсурдные картины рисует мсье Верн! Это совсем не похоже на Россию – даже имя этого... она запнулась – Феофар-хана совсем не татарское!

– Дочь моя, – улыбнулся Луи-Филипп – мсье Верн писал эту книгу не для умных английских мисс к тому же бывавших в России. А для нашей французской и европейской публики для которой Россия – это где то между Монголией и Северным Полюсом.

– Но есть же... здравый смысл и добросовестность! – растерянно пожала Елена плечами.

– Элен! – опять улыбнулся граф. Ну о чем ты говоришь – мсье Верн написал уже восемь или девять десятков романов – есть ли ему время читать всякие скучные книги про то как на самом деле живет Россия и кто такие татары? Он и Францию то покидал всего считанное число раз – и дальше Алжира никуда не выбирался. Кстати – спохватился он. О путешествиях! Ты не забыла что нас приглашают нас на 4 марта на торжественное открытие железнодорожного моста через Фёрт-оф-Форт.

– Нас?

– Я и сам удивился – но там будет принц Уэльский и еще немало людей из Палаты Лордов...

А – как «svadyebnih generaloff»? – вернула она русскую фразу. Ну тогда... Постой отец – но наверное надо связаться с посольством и спросить – следует ли мне принять приглашение? – девушка была в глубокой растерянности. Пристало ли там быть невесте императора?

– А зачем беспокоить посольство? – вдруг привстал Луи-Филипп. Отбей телеграмму в Санкт-Петербург. Да – я распоряжусь...

Оставшись одна Елена вернулась к чтению – пока есть время до очередного визита дочери русского посла Агафоклеи фон Стааль.

Книга была правда не о России – а о загадках древнего Египта. То был сборник музея Лувра посвященный памяти знаменитого Огюста Мариета. Сочинение это стало одной из любимых ею книг. Листая страницы она размышляла...

Огюст Мариет прибыл в Каир 2 октября 1850 г... Со своим маленьким караваном он двинулся на юг и, разбил лагерь в Саккаре, между руинами древних стен и рухнувшими старинными колоннами.

Прогуливаясь по окрестностям своего лагеря, он обнаружил торчавшую из песка голову сфинкса. Пройдя еще несколько метров, он наткнулся на разрушенную каменную плиту, на которой можно было разобрать надпись «Апис». Теперь молодой ученый воспрянул духом... Мариет вспомнил древних авторов – Геродота, Диодора Сицилийского и Страбона – которые сообщали о каком-то таинственном культе Аписа в Древнем Египте.

«Здесь, как я уже говорил, почитаемого богом быка Аписа... установили в храме. Здесь находится и храм Сераписа – Серапеум. Он стоит на таком песчаном месте, что ветер намечает песчаные холмы, и мы видели сфинксов, засыпанных песком наполовину или даже до самой головы...» – так писал Страбон.

Мариета обуял настоящий охотничий азарт. Он нанял несколько десятков рабочих и велел раскопать маленькие песчаные холмы, следовавшие один за другим через каждые несколько метров. В результате удалось извлечь на поверхность сто тридцать четыре сфинкса, расстояние между которыми составляло примерно шесть метров. Образовалась целая аллея сфинксов. Древний историк Страбон оказался прав!

12 ноября 1851 г. перед Мариетом наконец открылся вход в подземелье.

Когда осела пыль и принесли факелы, Мариет увидел перед собой нишу с массивным саркофагом. У него не оставалось ни малейших сомнений: цель поисков была достигнута! Здесь, внутри саркофага, должна была находиться мумия священного быка. Приблизившись к саркофагу Мариет обнаружил, что гигантская крышка сдвинута с места. Но саркофаг был пуст!

В последующие недели Мариет тщательно исследовал загадочные захоронения, буквально «прочесывая» их. Даже по нынешнему времени – просвещенного XIX века сооружение впечатляло. Длина главного подземного хода составляла тысячу футов – почти триста метров, высота свода восемь метров, а ширина три метра. Справа и слева располагалось по шесть широких ниш, и в каждой из них был установлен гранитный саркофаг, основание которого было надежно вмуровано в пол подземелья на четыре фута вглубь. В своде второго коридора, такого же большого, как и первый, зиял пролом. Там обнаружилось двенадцать точно таких же саркофагов. Их размеры поражали точностью – три метра семьдесят девять сантиметров в длину и два метра пятьдесят два сантиметра в ширину (без крышки). Толщина стенок саркофага – сорок два сантиметра. Мариет подсчитал, что вес саркофага должен был бы быть не менее семидесяти тонн, а вес крышки – двадцать с небольшим. Но при этом все крышки саркофагов оказались либо сдвинуты со своего места, либо совсем сняты. И нигде нет никаких следов содержимого.

Мариет предположил сперва, что до него здесь побывали какие-то грабители, а может быть византийские монахи что безжалостно уничтожали «идолов». Но в византийских летописях ничего не было о разгроме «капища», а грабители вряд ли бы сумели снять крышки.

Или это магометанские завоеватели использовавшие для вскрытия саркофагов толпы рабов дабы присвоить древнее золото? Но следов вторжения нет... Изучение самих саркофагов для быков тоже ставило в тупик. Они представляли собой цельные выдолбленные блоки из асуанского гранита. Но Асуанская долина находится примерно в тысяче километров от Серапеума. Уже одно только изготовление, полировка и транспортировка саркофага с крышкой, весящего сотню тонн, предполагают труды непосильные. Потом тяжеловесные, неподатливые громадины нужно было втащить в заранее подготовленную нишу, установить там и закрепить... С большим трудом, при помощи стамесок и канатных лебедок крышки саркофагов были подняты... Но в саркофаге оказалась лишь едко пахнущая масса битума в которой было множество мелких обломков костей, сыпанных в саркофаг еще тогда, когда совершалось погребение.

Перед этой загадкой оставалось лишь изумленно качать головой – известно какое значение сохранности мумий придавали жители древнего Кемета.

Раздосадованный, он, тем не менее, продолжал раскопки с прежней настойчивостью. Наткнувшись на стену за которой гулко звучала пустота он взорвал ее порохом. Его взору открывались новые своды, а под ними – деревянные саркофаги – как оказалось времен XIX династии правившей за тринадцать веков до рождения Христова.

Когда на пути встретилось новое препятствие – огромная каменная глыба – Мариет, не раздумывая, вновь использовал взрывчатку.

Сквозь образовавшуюся дыру в свете факелов стал виден ещё один массивный деревянный саркофаг. Его крышка оказалась сорвана с места взрывом. Когда убрали обломки дерева, в саркофаге обнаружилась мумия.

Лицо ее покрывала золотая маска на шее висел на золотой цепи миниатюрный жезл из зеленого полевого шпата и красной яшмы. На еще одной цепи были два амулета из яшмы, и на них было начертано имя принца Хемуаса, сына Рамзеса II... Но где же священные быки? Наконец 5 сентября 1852 г. было найдено два нетронутых саркофага. В пыли на земле Мариет увидел следы ног. Три с половиной тысячи лет назад они были оставлены жрецами, которые творили тут неведомые обряды! Было отчего замереть сердцу ученого... У входа в нишу, словно охраняя ее, стояла позолоченная статуя Осириса.

В 1858 г. Мариет принял от египетских властей место смотрителя древностей. Он первым в истории он осуществил раскопки в Карнаке, Абидосе, Дейр-эль-Бахри, Танисе и Гебел-Баркале, открыл храмы Сети I, и храмы в Эдфу и Дендере. Великий Сфинкс под его руководством был освобожден от многовековых песчаных наносов и стал известен всему миру. С Египетское правительство удостоило его титула паши. Именно он основал всемирно известный Египетский музей, и подсказал идею знаменитой оперы «Аида», сочиненной Джузеппе Верди к открытию Суэцкого канала.

Но разгадать тайну Серапеума он так и не смог. Незадолго до смерти в восемьдесят первом году он написал что осмотрел не больше одной десятой Саккары и не хватит даже второй жизни на то чтобы изучить ее...

Елена вздохнула.

Неведомо – посетит ли она Египет когда либо... Ведь времени на это у принцессы Орлеанской почти не остается, а императрице всероссийской скорее пристало изучать древности Кавказа и Самарканда – и то если супруг сочтет что это не помешает ее обязанностям государыни.

Конечно в Эрмитаже есть целый Египетский зал – который она так и не увидела в свою поездку и говорят большие коллекции в запасниках. Но это не совсем то.

Однако же кое-что она делает уже сейчас.

Из книги выпало недавно полученное письмо.

На конверте было типографским способом отпечатано.

«Джонсон и Мак-Грегор. Гранитные и камнерезные работы. Лондон»

Глубокоуважаемая мисс Орлеан! – гласило вложенное в конверт послание – тоже отпечатанное – на новомодной «пишущей машинке».

Мы внимательно изучили ваш заказ относительно гранитного саркофага указанных размеров, и с сожалением вынуждены Вам сообщить что изготовить его по указанным вами условиям, а именно – из цельного гранитного массива – не в состоянии. Это не говоря о крайне затруднительном вопросе транспортировки изделия в любое из возможных мест – даже в пределах Лондона. Однако если Вы рассмотрите возможность изменения условий с тем чтобы саркофаг был изготовлен из шести или более частей и собран на месте, мы готовы рассмотреть...»

С улыбкой принцесса сложила письмо и спрятала его в конверт который исчез среди страниц книги.

Вот так господа! Невозможно ни изготовить, ни перевезти – это в самой развитой промышленно стране мира! Жрецы науки ищут загадочные расы мыслящих осьминогов и великанов на Луне и Марсе – но не видят того что вполне возможно древняя великая мудрость и наследие великих цивилизаций лежит у них рядом – среди египетских песков...

Это как раз то чем им стоит заниматься – но куда там! И даст Бог – она попробует пройти этим путем – раз уж штатные историк и археологи не думают об этом.

* * *

...В это время вернувшись к себе Луи – Филипп о чем то подумал, потом вытащил из шкафа переплетенный в кожу толстый том. Покачивая время от времени головой начал читать...

Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской бог? Деньги. Какова мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Деньги – это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога... Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Вексель – это действительный бог еврея. Его бог – только иллюзорный вексель...

И как венец Эмансипация евреев в ее конечном значении есть эмансипация человечества от еврейства.

Да – подумал граф о новостях из России. Оригинально и изящно – как точный неожиданный выпад искусного фехтовальщика. Прежде – да и теперь били по самим евреям – порождая озлобление в тех и невольное сочувствие в прочих. А главное – не добиваясь почти ничего. А его будущий тесть поступил умнее – сделав мишенью идола «сего народа жестоковыйного» – Золотого Тельца.

«Но неужели этот мальчик читал Маркса?» – удивлено покачал головой Луи Бурбон.

* * *

Утро. В комнатах и залах Зимнего пустынно... Хрустальные люстры, портреты, статуи и недвижимые как статуи застывшие на постах гвардейцы. В открытые настежь (чтобы злоумышленник не спрятался – еще с дедовских времен заведено) двери видна роскошь интерьеров и ампирная мебель. В тишине гулко звучат шаги. Из комнаты в комнату, через залы идет император Всероссийский, Георгий Александрович. Высокий худощавый, черный мундир без знаков различия кажется почему то немного схожим с облачением протестантского пастора. Лицо непроницаемо – кто-то может счесть это привычной маской высокомерия – но на самом деле это всего лишь отрешенная задумчивость – даже сейчас он не замечает ничего вокруг себя погруженный в мысли о державе. Не замедляя шагов проходит мимо замирающих часовых. В кабинете, за большим письменным столом ждут его бумаги на подпись и для ознакомления, а дежурный адъютант уже сидит перед раскрытым журналом в котором записаны посетители на сегодня. Сегодня впрочем ждут разрешения дела семейные.

* * *

К половине десятого к парадному подъезду Зимнего дворца подъехал экипаж. Солидные лакеи распахнули дверцы, с низким поклоном пропуская осторожно ступающую юную даму, и деликатно посодействовав тучному господину в кавалерийской шинели. Впереди гостей важно шел церемониймейстер – все же это была особа императорской крови. Конечно это не торжественный визит на какой – то семейный праздник – когда гостей встречают кавалергарды с развернутым штандартом, серебряными трубами литаврами и всюду придворные чины: все эти камергеры, гофмейстеры, и камер-юнкеры. Тем не менее чету со всей почтительностью проводили до кабинета... – Герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий и Наталья Федоровна Вонлярская просят допустить их к Государю Императору – возгласил герольд труб-

ным басом «С этим церемониалом надо что-то делать!» – ощутив неподдельное раздражение подумал Георгий.

– Просите!

В кабинет вошли под руку двое.

Грузный высокий человек лет за тридцать в парадном мундире. На совсем если так можно сказать невоенном лице странно смотрятся блеклые остзейские глаза.

И казавшаяся рядом с ним серой мышкой молодая брюнетка, в облике которой было что-то мальчишеское. Довольно высокая, тощая с простым лицом миловидной мешанки...

Георгий смерил взглядом тезку – носившего в Семье прозвище – Жоржакс.

Короткой строкой пробежало в памяти... Правнук Павла I, сын великой княгини Екатерины Михайловны и Георга Мекленбург-Стрелицкого...

Отличный пианист и страстный поклонник музыки на почве чего был близко знаком с Танеевым. Даже завел свой собственный, знаменитый на весь Петербург квартет из четырёх первоклассных виртуозов. Доктор философии Лейпцигского университета.

В противоположность семейным привычкам – человек целомудренный – в юности говорят сбежал в окно из борделя куда его чуть ли не насильно затащили товарищи по полку... Не так уж и дурно – сам то Георгий воздержанием не отличается. Но что делать – Семья вообще не склонна ограничивать свои желания. Николай Николаевич много лет жил с балериной Числовой и имеет от неё четверых детей. Сын его Николай-Николаевич младший – это совершенно точное донесение дворцовой полиции – сошелся с женой дяди – великого князя Владимира Александровича. (Но тут то его особой вины нет – про нее говорили что она изменяла мужу со всеми его адъютантами...)

И вот этого человека угораздило влюбится в матушкину фрейлину.

Если бы речь шла об альковных развлечениях – наверняка бы сие было даже поощрено.

Но когда сын заговорил о браке...

На нетитулованную и небогатую девушку обрушился гнев патронессы. И «втирушка» она, и развратница, и задурила голову неопытному мальчику (а «мальчик» то на десяток лет старше Георгия Александровича)...

Тщетно сын убеждал великую княгиню что нашел в Наталье идеал – то самое, что было нужно его душе, только с ней он обретеет всю полноту жизненного счастья.

Екатерина Михайловна уволила фрейлину рассчитывая что увлечение сына сойдет на нет. Не тут то было. Георгий Георгиевич проявил неожиданную в этом тюфяке-философе и любителе искусства твердость. Как жаловалась герцогиня Вдовствующей Императрице он даже летом прошлого года тайком выехал в Германию, чтобы получить разрешение деда – великого герцога Мекленбургского Фридриха Вильгельма – раз уж в России столько препятствий.

И вот теперь видать решили пойти ва-банк.

– Государь, – голос Мекленбург-Стрелицкого хрипло сорвался. Не пустая прихоть, но безвыходность заставляют меня... нас припадать к вашим ногам!

Я прошу у вас разрешения жениться на Наталье Федоровне Вонлярской!

«Еще на колени и в самом деле бухнется!»

От вас одного зависит – дать мне и Наталье Федоровне счастье или...

Георгий посмотрел на гостей.

Герцог стоял статуей, а вот госпожа Вонлярская... Эээ – да как бы она сейчас не разрыдалась от напряжения избытка чувств. Предложить им сесть, вызвать лакея с чайным прибором, успокоить даму? Нет – мизансцену надо доиграть до конца...

– Георгий Георгиевич, любезный дядя, – произнес он. Право же какие пустяки... Вам не стоило обременять себя визитом тем более отвлекать столь милую особу этой официальной поездкой – а достаточно было написать прошение на мое («Чуть не сказал – Высочайшее!») имя. Я бы его разумеется удовлетворил! Но раз уж вы явились – то...

Он написал несколько предложений на листке и протянул герцогу.

Вот разрешение и я приглашаю Вас с Натальей на свою свадьбу. Я... и Елена будем всегда рады Вас видеть при дворе.

...Следующий визитер появился уже после обеда.

Великий князь Михаил Михайлович! – сообщил все то же придворный чин так что тренькнула люстра.

Вошел человек в мундире поручика лейб-гвардии Егерского полка, по военному четко замер на середине кабинета.

– Здравствуйте, Ваше Величество!

– День добрый...

– Позвольте передать лично в руки! – протянул он конверт.

– Что это?

– Прощение о дозволении вступить в брак с...

– С госпожой Екатериной Игнатьевой! – закончил за него Георгий. А вы кузен уверены что не ошибаетесь в своих чувствах?

Ну само собой – историю эту как и историю Георгия Георгиевича он знал – кто ее в свете не знал?

Великий князь получивший еще в детстве прозвище «Миш-Миш» с самых юных лет проявлял стремление обзавестись семьей.

Достигнув совершеннолетия – двадцати одного года и и получив право распоряжаться выделяемыми ему средствами, он начал постройку роскошного дворца-особняка на Английской набережной. «У нас должен быть приличный дом», – сказал он архитектору. Говоря «мы» он подразумевал себя и свою будущую жену. Выбранных родителями невест – германских, шведских и голландских принцесс он однако отвергал, зато в поисках идеала не раз сходил с девушками неравного происхождения. Всякий раз после скандала в семье он отступал, но сейчас тянувшийся два года платонический роман с дочерью графа Игнатьева похоже сподвиг его на последнее средство.

Видимо решил что настал подходящий момент – в семье его как раз приключился скандал.

Отец его великий князь Михаил Николаевич накрыл свою жену Ольгу Фёдоровну, с воспитателем своих детей (коих у четы было равным счетом семеро) генералом Петерсом. Вообще то роман этот длился уже полтора десятка лет и мало для кого был тайной – но на этот раз так сказать все произошло при народе. В ходе семейной ссоры великая княгиня – бывшая принцесса и маркграфиня Баденская, как какая то торговка с Охты, припомнила мужу его грехи включая незаконную дочь от некоей девицы Серебряковой. Августейшая чета в итоге разъехалась по имениям, а Петерс отправился в долгосрочный отпуск – подальше от столицы. Так то сейчас не до него.

– Умоляю, Ваше Величество разрешить мне этот брак! – страстно вещал между тем Миш-Миш. Я согласен на все возможные условия – отказ в приеме при Дворе, наш выезд за границу и полное мое отречение от всех своих великокняжеских прав и преимуществ.... – великий князь.

– Ну раз вы действительно желаете жениться на Екатерине Николаевне, то с моей стороны препятствий к этому браку не будет... – спокойно сообщил Георгий. И разумеется столь невероятных жертв я с вас не потребую.

И поглядывая на замершего в прострации родственника добавил

– Что до отречения от прав – то тут речь не о вашем согласии и не о моем желании, а о законе. Члены царской фамилии, бракосочетавшиеся с лицами невенценосной крови, обязаны подписать отречение от прав престолонаследия. Никаких других ограничений женитьба такого рода не накладывает.

Ну и заодно вам следует получить разрешение вашего полкового командира на брак – хотя думаю что тут препятствий не будет.

– Не знаю как благодарить вас, Ваше Величество! – поклонился великий князь.

– Пустое! – улыбнулся Георгий. Буду рад видеть Вас и мадам Екатерину в Зимнем...

* * *

Сообщаем что 2 февраля 1890 года в 4 часа пополудни в церкви Михайловского дворца бракосочетание состоялось в. кн Михаила Михайловича и графини Екатерины Николаевны Игнатьевой. На бракосочетании присутствовала вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Посажённым отцом у жениха был великий князь Михаил Николаевич, посажённой матерью – великая княгиня Екатерина Михайловна, а у невесты – её отец и графиня Софья Андреевна Толстая. Венчание совершил настоятель дворцовой церкви протоиерей Иоанн Сыренский. Вечером в Михайловском дворце состоялся свадебный обед, после новобрачные отбыли с поездом железной дороги в город Ораниенбаум на постоянное жительство.

«Санкт-Петербургские ведомости»

* * *

– Все же Георгий – не слишком ли ты легко даешь разрешения на морганатические браки? – пожаловалась вернувшаяся со свадьбы Мария Федоровна за вечерним чаем.

Я понимаю не настаиваю чтобы ты придерживался отцовского обыкновения – когда подобное было вообще немыслимо. Но два рескрипта за один день? Можно было бы просто попросить кого-нибудь из них обождать хотя бы месяца три – не так ли?

Георгий отставил чашку...

– Матушка – ну что мне вам сказать... Неужто было бы лучше если бы Жоржак с m-l Natalie или кузен Миш-Миш со своей графиней жили во грехе как великий князь Алексей Александрович со своей Жуковской или ...

Он запнулся – вспоминать княгиню Долгорукую при Марии Федоровне наверное не следовало – несмотря на прошедшие годы.

– Или иные в нашей фамилии?! – закончил он. Если я могу сделать людей счастливыми при помощи такой малости – то почему я должен отказаться от подобной возможности?

И видя как Мария Федоровна нахмурилась добавил.

– Ну, а кроме того – тем самым я сократил количество возможных претендентов на престол – что тоже не маловажно! И на достаточно долгое время обрел искренне мне преданных сторонников.

– А может быть ты и прав! – согласилась Мария Федоровна немного подумав. Интриг точно станет несколько меньше...

«А и в самом деле было бы недурно если б хотя бы половина великих князей пережилась на фрейлинах да балеринах! – мысленно усмехнулся Георгий. Только вот где мне набрать столько Вонлярских и Игнатьевых?!»

Уединение их нарушил гоф-маршал Оболенский – Нелединский державший в руках какую то телеграмму.

– Прошу прощения у Ваших Величеств, за столь позднее вторжение – но нерасторопные служащие Министерства двора лишь сейчас передали ее мне.

Ваша невеста Государь, спрашивает можно ли ей посетить открытие некоего моста на которое она приглашена английской короной? Я бы оставил это до завтра, но событие назначено на 4-е число и видимо надо ответить как можно быстрее?

– Мост? И тут Георгий вспомнил.

Ну конечно! Как раз на днях в Шотландии должен быть открыт необыкновенный мост через залив в две с половиной версты длиной – строившийся восемь лет. Ничего подобного в мире еще не строили...

Георгий машинально поглядел на Марию Федоровну словно безмолвно спрашивая совета.

Маменька однако был непроницаема – мол ты царь, ты жених – решай как тебе угодно...

– Ответьте так – произнес Георгий. Поскольку мы хотим мира и дружественных отношений с Англией с урегулированием всех противоречий, то ваше посещение торжеств будет этому способствовать. В случае если вас об этом спросит принц Эдуард и только в этом случае доведите наше желание мира и дружбы до Принца Уэльского. Я в тебя верю... Пойдите, – бросил он в спину гофмаршалу.

И еще – пусть узнает кто строитель этого моста и не захочет ли он поработать в России?

* * *

Следующий день начался с Финляндии. Точнее с предложений и бумаг комиссии Победоносцева... Советы были в основном практические – например упразднение таможенной границы Финляндии, подчинение ее почт МВД России, с введением для служащих почты обязательного знания русского языка, отмена призыва в финскую армию... Ну и главное, как полагал обер-прокурор Синода, нужен Закон об уравнении в правах русских подданных с подданными Финляндии в пределах княжества. Но там много предстоит сделать...

Потом явился Гурко.

Доклад о состоянии армии Гурко сделал умеренно оптимистическим, и одновременно не забыл упомянуть трудности стоящие перед армией из-за отсутствия денег. Впервые почти открытым намекнул что мол Россия – страна континентальная, а флотский бюджет несколько раздут – больше полугода старик продержался. В целом получалось что армия более-менее готова. Но вот к чему?

Под конец Георгий заскучав принялся рисовать чертиков на бумаге с императорскими вензелями и водяным знаками недавно произведенной по заказу дворцового ведомства в Гельсингфорсе. Чертенята выходили почему-то немного похожими на Победоносцева

– И еще ваше величество – я бы хотел попросить... – произнес Гурко когда император одобрил доклад. Касательно ограничения на численность военных врачей и фельдшеров – евреев...

– Но Иосиф Владимирович – с недоумением поднял глаза на министра Георгий. Сколь помню – я такого ограничения не устанавливал и честно говоря и не собирался – вас видимо ввели в заблуждение!

– Простите государь! – несколько засмущавшись добавил Гурко. Но это не при вас – это еще при вашем августейшем деде. Военных медиков в армии так сказать некоторый недостаток и неразумно было бы лишаться...

– Да разумеется! Можете сразу подготовить приказ министерства – и мне на контрассигнацию.

«Доктора, инженеры – да хоть сапожники – только вот финансистов из *них* нам без надобности!» – повторил он свою старую мысль про себя.

– Скажите Иосиф Владимирович – как вы полагаете относительно армии Великого княжества финляндского... – осведомился Георгий затем, вспомнив доклад Победоносцева. Ее предлагают упразднить, а взамен ввести военный налог в размере шести миллионов рублей в год – Константин Петрович считает что финнам он будет вполне по силам.

– Со стороны военного министерства возражений не последует, – тут же согласился Гурко. Армия право же малочисленна – да и опасность со стороны Шведского королевства уже почти отсутствует. Не имея флота способного соперничать с нашим шведы войну не начнут. Я знаю что финны очень трепетно относятся к своим войскам – но практическая польза от нее какая? Никакой. А деньги нужны. В том числе и для развертывания новых корпусов на западе. Георгий сделал пометку в бумагах

– Ну раз речь зашла о Финляндии – что вы скажете о польском вопросе? – вдруг спросил Георгий немного погодя – вспомнив доклады все той же победоносцевской комиссии. Он ведь тоже достаточно острый? Вы все-таки долгое время служили в Варшавском округе и видимо имеете представление и о тамошних делах и о путях исправления положения?

При этих словах Гурко внимательно взглянул на государя.

– Признаться я совсем не знаком с предложениями кои поступали в распоряжение господина Победоносцева... – проницательно покачал он головой. Но полагаю что там было немало таких где предлагалось вернуть польские дела к тому что было при Александре Благословенном: сейм, своя конституция, может быть даже своя армия...

– Ну не – до армии кажется дело не дошло! – воскликнул Георгий. Все же помнят как поляки повернули наше же оружие против нас! Но в основном предлагается и в самом деле сделать некоторые послабления. Радикалов давить, но с умеренной частью общества договариваться. Такой точки зрения, к слову, придерживается господин Витте. Его собственные слова – русской политике в Польше не хватает именно взвешенности. Гурко вновь покачал головой. – Я тоже долгое время был сторонником компромиссов и уважения национальных чувств поляков. Ведь согласитесь – это не по совести: человек не имеет права говорить на родном языке! Даже уроки польского в польских школах преподают полякам по-русски! Но...

– Но? – испытующе глянул на него монарх. – Но... – Гурко помолчал несколько мгновений – по большому счету это ничего не даст. Мы можем убрать то или иное установление или меру что поляков раздражает – и они могут даже сказать спасибо русской власти – хотя скорее всего не скажут. Но на месте прежних поводов у них найдутся новые, а за ними – еще... Вспомните – и автономия была, и сейм, а кончилось кровью и смутой.

– А все-таки?

– Георгий Александрович, – обратился к монарху Гурко. – Уж извините, если я вас огорчу – но я выскажусь до конца – как есть... Как я это вижу – слегка поправился он. Подобные вопросы невозможно решать одной или десятком канцелярских бумажек. Польский вопрос, весьма трудный, будучи спутан историческими и нравственными, а может быть, еще и другими элементами – но пуще всего – предрассудками. А *пред-рассудок*, как даже видно из самого слова стоит впереди рассудка! Мне не видится возможным, чтобы это архисложное дело было разрешено так, чтобы за один год или даже за десятилетие! Да тем более так чтобы ниоткуда не было слышно жалоб. А оно столь важно, что лучше несколько помедлить, но затем разрешить вполне основательно.

– Вы сказали – «предрассудки?» – Георгий заинтересовался. Но поляки ведь кажется народ христианский и европейски цивилизованный? А значит долженствующий прислушаться к доводам разума?

– Приведу если позволите пример... Уловив согласие в лице Георгия Гурко продолжил. Во дни моего командования Мариупольским 4-й гусарским полком у нас в 6-й кавалерийской дивизии в Гродно был капитан – выкрест из кантонистов – Матвей Гершензон... Звезд с неба не хватал – но был исправный недурной офицер. И знаете как называл его тамошние поляки? «Пане жиде-капитане»! – с возмущением сообщил министр. Не в лицо конечно – мы бы не допустили такого поношения товарища и имени русского офицера... Но за глаза – и так чтобы господин Гершензон знал об этом! Замечу то были не шляхтичи, а польская беднота и мещане...

– Да – продолжил Гурко, – возможно Ваше Величество вы возразите мне, что есть множество достойных поляков на военной и статской службе приносящих России пользу и составляющих ее гордость – и сами гордящиеся тем что русские подданные. Я знаю это – в конце концов я бывший варшавский генерал – губернатор. И конечно же осведомлен что в центре города в коем имел резиденцию стоит памятник семи генералам прежнего Войска Польского убитым мятежниками тридцатого года за верность престолу российскому...

Это так. Но тысяча или даже сто тысяч таких людей не переменит главного печального обстоятельства. Того что ежели взять польское общество в целокупности – оно являет собой пример стойкой и неизбывной враждебности к русскому духу и имени, – Гурко сглотнул комок в горле.

– Но в таком случае... – Георгий все больше испытывал неподдельный интерес к теме. В таком случае – что вы скажете относительно мнения что Польшу... надо отпустить? (Вопрос он надо сказать задал не без внутренних сомнений)

Сказав это, он внимательно посмотрел на генерала. Тот молчал, но кажется не удивился – или почти не удивился. Увидев в глазах Георгия повелительное наклонение, Гурко вновь начал говорить.

– И это мнение мне известно... Толк вели об сем не только нигилисты, но и многие офицеры в Варшавской губернии. Например, бывший варшавский обер-полицмейстер Толстой был почти что из таких... Мотивы были самые разные – начиная от того что Польша – это ино-родный член в российском государственном теле и от него лишь беды да болезни. А у России полно собственных, внутренних неурядиц. И заканчивая что восстание все равно неизбежно. И еще в свете будущей войны – дабы заручится их дружбой – что есть глупость! – Гурко мимо-летно посуровел.

Однако всякий разумный человек понимает что это невозможно и немислимо... Я даже не буду говорить о «кресах восточных» – хотя хватило бы этого одного чтобы поставить преграду любому положительному исходу дела.

– Кресы? – переспросил император.

– Простите, Ваше Величество – так в Польше именуют земли когда то бывшие в границах старой Речи Посполитой. Поляки считают своими Правобережную Украину, Киев, Курляндию, Ковенщину... Иногда вспоминают Смоленск и чуть ли не Тамбов.

– И Тамбов?! Нонсенс какой-то! – пробормотал всерьез озадаченный царь. Георгий конечно читал в мемуарах о притязаниях лидеров «повстанья» на те или иные области и видел в учебниках истории старые карты «Речи Посполитой» Но чтобы всерьез? – Я вам больше скажу... – продолжил Гурко. Я как вы наверное знаете Ваше Величество сам по происхожде-нию не великоросс – мой род из литовской православной шляхты. Литвою к слову издревле именовались земли Белой Руси... – с некоторым достоинством уточнил он. Это ныне так все чаще именуют земли Ковенской губернии. И не стыдась вспомню то что предки мои ходили под знаменами польских королей на Московское царство – как велел им долг верноподданных. И я – да простится мне моя категоричность – уверен что поляков не просто знаю, но *пони-маю* – как наверное не понять обычному русскому человеку. Так вот, государь – для них мы – великороссы, малороссы – белорусы – независимо от наличия герба или иных достоинств – всего-навсего есть и будем «народы хлопски». Простите – я переведу, Ваше Величество... – Не надо! – вскинулся Георгий переменявшись в лице. Я понимаю... То есть они *нас* не считают за людей?! Гурко со вздохом склонил голову. – Да – можно сказать и так... – То есть русские для них это... как бы белые негры? – Ну не для всех положим, – решил было заступиться за поляков Гурко... – А я – не обращая внимания, продолжил император, – стало быть – негрский царёк? А их не смущает что те кого они считали варварами и рабскими народами их многожды побеждали и так сказать пребольно секли на конюшне?? – не удержал он злую насмешку. Это обстоятельство не побуждает их усомниться в вышеупомянутых предрассудках? – Отнюдь. Это

как раз приводит их в особенную ярость... – в глазах Гурко была печаль старика знающего жизнь и честно старающегося передать это знание юному уму. Ибо по всем их убеждениям и их вере если угодно так быть не должно... И если факты этому всему противоречат – то тем хуже для фактов... Для них это какая то нелепая случайность – и стоит попробовать еще раз – как «азиатская деспотия москалей» неизбежно рухнет к ногам польского рыцаря! – как выражались на допросе в моем присутствии мятежники одна тысяча восемьсот шестьдесят третьего года... Именно поэтому в моей душе не было и нет сочувствия и милосердия к тем моим соплеменникам что в тот мятеж стали на сторону пана Калиновского! – было видно что Гурко высказал нечто важное лежавшее на сердце. Георгий предпочел впрочем не заметить оговорки.

– Это лишь одно – но есть и внешне обстоятельства, – продолжил министр. – Не знаю осведомлены ли вы, Георгий Александрович – но во дни вашего славного предка Александра Освободителя секретным образом наше министерство иностранных дел по его царственной воле запросило прусский и венский дворы – как они воспримут дарование независимости русской части Польши? Понятия не имею – сносились ли государи германские по сему поводу, но ответ от обоих столиц был быстр и недвусмысленен – на следующий день после того как эти земли оставят русские войска туда войдут немецкие корпуса... – Однако же, – оживился царь вспомнив к случаю кое-что, – и германский и австрийский гнет поляки терпят и даже почти не бунтуют! А я не слышал чтобы их политика в польском вопросе была мягче нашей – даже скорее напротив, по крайней мере в Пруссии? Нет ли смысла изучить и применить их опыт?

– Да – это истина! – покачал Гурко головой – он был явно удручен. Но опыт немецкий где-где, а в этом нам не помощник! Тут дело совершенно особенное... Не знаю уж по какому капризу – возможно потому что седой древности средневековой – при первых Пястах – польская корона была вассалом императоров Священной Римской Империи Германской Нации. А может еще по какому извиту национального ума... Но немцев поляки почитают нацией господ. Они могут их не любить и даже ненавидеть; могут восхищаться битвой при Грюнвальде и с гордостью вспоминать как покорили Пруссию – как делали не раз на моей памяти. Но при всем том немца они согласны почитать за высшего, а своего брата-славянина с Востока – даже за равного – никогда... Я говорю это с печалью – ибо случись война – вопрос, на чьей стороне выступят четыре миллиона польских мужчин, станет весьма остро. Можно было бы рассчитывать на то что время де излечит – но Польша уже почти сто лет под скипетром русских царей – и ничего не поменялось... Извините ваше величество если сказанное было вам огорчительно... – вздохнув закончил министр. – Вы Иосиф Владимирович признаться меня и в самом деле не порадовали... – кивнул Георгий. В общем я и так думал по отношению к Польше пока что продолжать курс проводившийся при моем отце без изменений. Вы меня сейчас укрепили в мысли сей.

Теперь вот о чем...

Мой несчастный брат в бытность наследником-цесаревичем прошел курс наук включая военные – в объемах достаточных по мнению батюшки. Меня обучали не столь основательно.

Я думал об этом – и не только сегодня – и окончательно решил – это надо исправить. Помните я говорил что хотел бы видеть в вас еще и наставника в военных делах? Настал подходящий момент чтобы претворить это в жизнь!

Тот факт что молодой государь не мог прочесть то что творилось сейчас в его седой голове, военный министр почёл обстоятельством весьма счастливым. Ибо мысли Иосифа Владимировича приняли не совсем верноподданное течение. Невольно на ум генералу пришла восточная сказка слышанная им еще в Болгарии – про бродячего обманщика-ходжу что пообещал султану научить осла читать Коран за двадцать лет – мораль сей басни что мол за двадцать лет помрет или мошенник или осел или султан. Еще Гурко не к месту вспомнил сказанное

генералом Казанским – наставником Николая Александровича – *бывшего царя* – в военных науках.

– В нашем деле он молодой человек был форменным дубиной, – говаривал Казанский за лафетчиком «старки». – Ваше Величество! – со всей почтительностью начал он. Право же не знаю... В юнкерском училище стратегии учат в течение около двух лет. Потом поручик или корнет еще осваивает ее сам читая соответствующие книги. Потом два или три года он постигает ее в Николаевской или Петровской, а может быть Михайловской академии... И то на выходе мы имеем вовсе не знатока стратегии, а всего лишь штабного офицера. – Ну – покачал головой Георгий – положим время у нас с вами есть – опять же юнкер обучается еще много чему.

– Но и у Вас Ваше величество тоже много иных дел! Кроме того... – Гурко замялся. Как объяснить этому пылкому и энергичному юноше что в науке и военной тоже – что бы не вещал Минотавр-Драгомиров – все взаимосвязано? И высшие знания всенепременно базируются на низших и простых понятиях. Что сама стратегия плотно сцеплена с тактикой, военной историей, географией, статистикой и многими иными предметами – и вне этой системы знаний преподава быть не может? Но пока он облачал эти мудрые мысли в слова соответствующие рангу его визави Георгий продолжил.

– Проблема в том что я должен понимать ваши возражения и аргументы и соответственно быть уверенным что мои слова могут быть вам понятны...

Я не прошу вас преподавать мне курс Академии в полном объеме, но прошу Вас вместе с Леером и Обручевым подготовить мне курс лекций по стратегии и географии для того чтобы я мог хотя бы вас понимать. Иначе может сложиться ситуация когда я не поняв своих военных ввяжу страну в ту войну которую мы выиграть не сможем. Мои ошибки тяжелее чем ваши потому что их величина и стоимость для страны многократно выше. И чем больше я буду знать о предмете разговора перед принятием *мною* решения тем лучше для державы нашей.

Потому что из за ошибок ваших может быть проиграно сражение или даже кампания. Но вот из-за моих – вся война!

Георгий помолчал обдумывая некое пришедшее сейчас ему в голову обстоятельство... Этим свои озарениям он уже привык доверять – а сейчас мысль сложилась целиком из осколков прежних раздумий и мнений.

– Далее... К апрелю подготовьте доклад по военной политике России на ближайшие годы.

На докладе должен быть и генерал Обручев. Мне надо понимать кто, где и как может угрожать стране и соответственно знать как отразить угрозы империи могущие быть в текущий момент. Не знаю – оповещал ли вас Гирс, но я третьего дня распорядился чтобы они ежемесячно выдавали вам обзоры международной политике касающейся военных вопросов – и в любой момент по вашему требованию. Непосредственно – не сносясь ни с Бунге ни со мной... Сформулируйте требования к отчетам чтобы с Мойки могли сообщать вам информацию по текущей ситуации в наиболее удобном для вас виде.

– Позволено ли мне будет спросить? – начал явно озадаченный Гурко. Безусловно доклад министерство подготовит. Но вот что до отчетов ведомства господина Гирса – я признаться не очень понимаю смысла данной меры. Мы и без того получаем сообщения от наших военных агентов при посольствах – и этого до сих пор вполне хватало...

Георгий шумно вздохнул

– Вам может и хватало – но вы уверены что этого хватает для нужд обороны России?

Вы Иосиф Владимирович например осведомлены о существовании «Договора перестрелки»?

– Разумеется, Ваше Величество! – закивал Гурко ощущая нарастающую растерянность. Это договор с Германской империей по условиям которого, обе стороны должны сохранять

нейтралитет при войне одной из них с любой третьей великой державой, кроме случаев нападения немцев на Францию или России на Австро-Венгрию. Весьма полезный трактат!

– Согласен с вами. Но да будет вам известно – срок его действия скоро заканчивается.

И будет ли он продлен – неизвестно.

Посол Шувалов мне лично и письменно докладывал что новый кайзер германский – Вильгельм разумен и не откажется от столь выгодного договора.

А вот барон Гирс почему то утверждает обратное. Кому из них мне прикажете верить – если оба отлично зарекомендовали себя еще на службе у моего отца?

Кроме того – положение отца этого договора – Отто фон Бисмарка – весьма неустойчивое – и напротив в силу входит старый враг России Фридрих фон Гольштейн. Я лично готов к самому худшему...

– Но в таком случае... – осторожно предположил Гурко – Не кажется ли вам Ваше Величество что столь важный вопрос следует решить при личной встрече монархов? («А он встревожен! – отметил Георгий. Просто болеет за вверенное дело или в нашей армии не все так благополучно как он мне преподносит?»)

– Я представьте господин Гурко тоже думал об этом. Я даже писал в Берлин – но *кузен Вилли* в ответ присылает письма из которых я лично делаю вывод что он меня почитает за мальчишку и не более.

Мне собственно бы это и безразлично – кого Гогенцоллерны за кого почитают. Я тоже между нами говоря невысокого мнения об умственных способностях нового кайзера германского рейха – по крайней мере разума в его письмах ни на ломанный грош. Но если германская корона будет действовать на основании таких вот с позволения сказать мнений – то вряд ли нам стоит ожидать спокойствия на западных границах. Ибо когда император Германии держит императора России за юного неопытного несмышлениша договор он продлевать не будет – просто потому что он не увидит в этом необходимости.

А вы наверное знаете некоторые милые особенности германской политики – когда они что-то могут получить силой – они не пытаются договариваться и не ищут иных способов – а просто берут это силой, – вспомнил он давний уже разговор с Чихачевым.

И будет очень плохо если они сочтут Россию легкой добычей. Я бы сказал исключительно плохо... Насколько я знаю – вести войну против альянса одновременно и Вены и Берлина армии нашей будет тяжело-а такой альянс весьма возможен уже в ближайшем будущем.

– Не надо сейчас отвечать с ходу! – бросил он помрачневшему вмиг Гурко. Соберите командующих округами и штабистов и думайте. Обручев пусть думает – чем может обернуться его воинственность. Леер пусть думает.

Но это еще не все...

Всене непременно переработайте планы военной мобилизации железных дорог – согласуйте с Витте возможные меры по увеличению армейских перевозок и возможности использовать действующих для быстрой переброски войск.

Ну и еще один момент – я тут читал в отцовских еще бумагах об идее – в случае войны с Англией вторгнуться в Афганистан и оттуда угрожать Северной Индии.

Но мы до сих пор снабжаем Туркестан через Каспийское море. Какое в таком случае может быть вторжение? Нужна железная дорога связывающая это край с коренной Россией. Это я вам как пример привел.

Прошу понять – может сложиться ситуация когда вокруг России окажутся одни жаждущие добычи хищники и шакалы.

Как мы подошли к этой угрозе – это в общем не ваш вопрос. Но как готовить армию при подобном ходе вещей – тут основная роль ваша, господин министр.

– Но мне кажется, – возразил министр, – возможно будет правильным по туркестанскому вопросу раз уж вы его упомянули сделать отдельный доклад. Генерал Розенбах как раз готовит обзор по ситуации на Памире...

И я наряду с этим отдельно подготовлю предложения об изменениях в организации службы Туркестанского округа.

– Хорошо – ваши Иосиф Владимирович и господина Розенбаха доклады относительно военного положения края я выслушаю особо – но после основного доклада. И хорошо бы и сам генерал присутствовал.

– Доклад согласно пожеланиям Вашего Величества будет подготовлен в течение двух месяцев, – воспользовался паузой Гурко.

– *Не более двух месяцев!* – как бы между прочим уточнил император. И при написании его помните – господин генерал – по моему мнению должна быть готова не «вообще», а к войне – наиболее вероятной в данный момент.

Гурко молча кивнул изобразив на лице максимальное смирение и готовность исполнять высочайшую волю...

«Вот интересно, – внезапно спросил он себя. Понял ли Государь что только что прочел мне лекцию по стратегии? И чему мы его сможем научить – мы – старики которые служить начинали при его прадеде?»

* * *

Следующей была беседа с Плеве о делах касающихся общей администрации. Точнее – о колонистах – вопрос недавно обсуждавшийся в Государственном совете. Плеве на зависть любому славянофилу излагал тревожные факты. Как выяснилось – иностранцы – прежде всего немцы, первым делом стремятся учредить в своих поселениях этикие удельные княжества – где даже русской прислуге постоянно жить не дозволяется. Таблички названий улиц, магазинов и даже на дверях гостей – на немецком. Портретов государя-императора в присутственных местах и то не вешают – разве что в преддверии появления раз в год какого-нибудь чиновника – те впрочем подозрительно мало им докучают... Прямо таки как в сеттельментах в несчастном Китае или вообще в африканской саванне. Язык учить не хотят – что самое неприятное живя на русской земле они даже и русского подданства не принимают – а дети их ездят отбывать воинскую повинность в Германию...

Самое же главное министр приберег напоследок. В расселении в России немцев – колонистов принимает почти открытое участие... германское Министерство имперских колоний... Оно дает и деньги на аренду земель, и на обзаведение и на взятки... Ну точно числят нас Африкой!

– И как вы думаете это исправить? – сухо осведомился Георгий под конец.

– Полагаю было бы правильным подготовить один или несколько указов эти вопросы урегулирующих... – осторожно начал Плеве.

– Вот и готовьте!

– И еще – Вячеслав Константинович – сообщил ему Георгий когда взволнованный министр уже уходил. Ваше министерство в числе всего прочего курирует санитарный и врачебный надзор – так? Мне рассказали историю о том как епископ Нижегородский прогнал явившуюся по его вызову врача-женщину.

– Да я слышал о сем инциденте... – кивнул Плеве. («А откуда? Видать – не врут что сеть осведомителей у ведомства сего гомерическая!»)

Но признаться Ваше Величество я воспринимаю это как забавный курьез – не считая того что тут скорее дело для господина Победоносцева. Если мнения его подчиненных не совпадает с текущим положением то надлежит принять разъяснения Синода по данному вопросу... На

лице Плеве мелькнуло что-то похожее на раздражение – мол нет смысла обращать внимание на попов – ретроградов.

– Нет-с милостивый государь! – нахмурился Георгий. Мы речь ведем не о об отсталых взглядах иных лиц духовного звания – а о том что в данном случае имеет место недосмотр ваших подчиненных. Почему ими не отрегулирован вопрос о врачебных осмотрах? Ведь логично же установить что мужчина – врач осматривает мужчин, а женщина – врач – женщин. Собственно говоря – ведь Бестужевские курсы и появились чтобы избежать подобного случившемуся с вышеупомянутым пастырем!

– Позволю себе высказать свое мнение, – сообщил Плеве. Таковой инструкции и в самом деле не существует – но вот в ее необходимости – усомнюсь Ваше Величество! Как установилось в Европе – в медицине нет женщин или мужчин, а есть лишь медики. И входя к пациенту медик являет собой лишь слугу Эскулапа, а не особу того или иного пола.

– И я полагаю такую точку зрения вполне правильной. В противном случае, – вполне серьезно излагал министр, – недалеко и до турецких порядков где разрешение женщине или девушке появится с открытым лицом у врача-мужчины выдается каждый раз особой *фетвой* муллы или кази – даже когда нужна срочная врачебная помощь! Это не имея ввиду даже того, Ваше Величество – что врачей женщин просто не хватит на то чтобы обеспечить нужды всех лечебных учреждений России даже приблизительно.

Мое мнение – мнение если угодно приземленного полицейского ума – позволил себе пошутить министр – что раз женщине дозволено быть врачом то и лечить она может любого больного.

«Ну по крайней мере не дурак!» – вспомнил Георгий слова Победносцева о Плеве.

– Не забывайте, Вячеслав Константинович – МВД не сводится к полиции – как думает иной обыватель! – мягко пожурил он тем не менее подчиненного.

Речь идет даже не о данном конкретном деле – но о том что МВД должно не ждать указаний от монарха, а само руководствуясь логикой и принципом разумности регулировать вопросы, находящиеся в его компетенции.

Разумная инициатива в МВД должна поощряться.

Так что соответствующая инструкция должна быть разработана и принята – раз подобная проблема как мы видим есть. Само собой – там где один врач на три уезда – правило сие невозможно к применению. И точно также не в случаях когда речь идет о жизни и смерти и искать врача соответствующего пола некогда. Ну и конечно же на осмотры и лечение детей ее распространять неправильно – дети есть дети.

Впрочем – я думаю вы разберетесь – неужто же царь должен писать инструкции для МВД?

Министр с недоумением уставился на монарха явно собираясь что-то спросить. Или даже возразить? Но молча склонил голову в знак того что понял и принял к исполнению.

...Ладно – а ведь сегодня ожидаются еще Воронцов-Дашков с предложениями по царской свадьбе и коронации будущей государыни, и все то же Победоносцев – с отчетом Госконтроля о казенных горнозаводских имуществах... Потом еще чтение отчетов – сенатских и губернских.

Это если еще не явится Бунге с очередной бумагой требующей всенепременно его монаршей подписи.

* * *

4 марта 1890 года. Шотландия. Побережье залива Ферт-оф-Форт

Из воды поднимались высокие и стройные, как готические башни, гранитные быки. На них лежали тысячетонные стальные фермы... Сплетения бесчисленных балок, раскосов, укосин протянулись над водой почти на две мили или по-русски – на три версты...

Мост был паутинно натянут над блеском воды, вместо мощности в нём была невесомость; он поражал не сложностью, а простотой. Плавный ажурный росчерк на бледной синеве неба выглядел законченным совершенством. Инженерная мысль, расчеты, формулы – все было спрятано, сведено в четкость линий – он казался нарисованным художником – гением.

Елена еще подумала что художник был бы тут очень кстати...

Церемония открытия моста должна была вот-вот начаться...

Возглавлять ее должен сам принц Уэльским в присутствии множеств гостей – от послов и репортеров до выдающихся изобретателей вроде Гюстава Эйфеля. Из розданных афишек было понятно что общая стоимость проекта составила три миллиона двести тысяч фунтов стерлингов. А возведение моста было сопряжено со многими трудностями. Строительные работы длились почти восемь лет, начиная с 1882 года – но английский инженерный гений и организаторский талант преодолел все препятствия. И во сегодня главный строитель моста – Бенджамин Бэйкер лично перережет ленточку откроет движение...

Елена покачала головой.

Мост конечно что и говорить великолепен, но при этом те же бритты никак не могут понять что кран со смесителем лучше, а английские железные дороги – самые старые в Европе, работают как говорят в России через «pen-kolodu». Эти нелепые вагоны, где каждое купе имеет свой выход на платформу – причем чтобы выйти, нужно сначала опустить окно и добраться до наружной ручки двери. (То что в них отсутствуют клозеты – уже говорить не будем).

Это переходящее в сумбур разнообразие поездов, вагонов и местных правил! С их огромным множеством тарифов, скидок, проездных билетов, различных расписаний.

Впрочем о всего этого они были избавлены – деньги кои часто проклинают поэты и философы все же сильно облегчают жизнь! Сегодня ранним утром в собственном экипаже они приехали прямо на территорию Юстонского вокзала – на Йоркскую сторону где была стоянка каре и кэбов.

Вокзал встречал путешественников бронзовой статуей великого английского инженера Роберта Стефенсона. Вход в вокзал обрамленный грандиозными дорическими пропилями высотой в восемьдесят футов – знаменитая Юстонская арка. Пять дверей вели в Большой зал, освещенный аттическими окнами. В середине зала возвышалась мраморная статуя Джорджа Стефенсона – создателя первого паровоза и отца строителя вокзала. У подножия скульптуры их ждали российский посол с дочерью, ее горничная и лакей.

Здесь имелаась и телеграфная контора. В книжных киосках можно было купить что-нибудь почитать в дорогу – книги, журналы, газеты – от серьезнейшей «Таймс» до полного глупых шуток «Панча». В буфетах в зале и в вокзальном ресторане на платформе отправления можно было перекусить.

Имелось и новшество – автоматические аппараты для моментальной фотографии системы Стиффенса и Энжальбера – бросив шесть пенсов можно было сделать моментальный снимок на память. Мисс Агафокля не преминула этим воспользоваться несмотря на деликатное покашливание Егора Дмитриевича.

Через пару минут она уже вертела в руках жестяную эмалированную пластинку с собственным портретом. Впрочем внизу они не задержались – пройдя в дальний конец зала они воспользовались широкой двойной лестнице что вела на галерею и в офисы компании.

Граф сразу направился в кабине вице – директора и высокомерным тоном сообщил что желает заказать экстренный поезд до Ферт-оф-Форт. Расходы значения не имеют, – он заплатит, сколько потребуется – но хотел бы получить наилучшее из имеющегося. Вице-директор с истинно джентльменским спокойствием раскланявшийся перед высокой особой, поднял теле-

фонную трубку и вызвал начальника службы движения. Тот в свою очередь тоже раскланывшись сообщил что может предложить Его Лордству и сопровождающим его лицам в самом деле лучшее что у них есть – особый экспресс из трех пультмановских вагонов. Выяснив, сколько требовалось —, а именно триста фунтов (стандартная цена для экстренных поездов – пять шиллингов за милю с учетом поездки в оба конца), Луи-Филипп в пять секунд выписал чек. После чего два вокзальных служителя проводили их к поезду, и помогли загрузиться в него, хотя сопровождавший их вице-директор извинялся за задержку – отправятся они не раньше чем через час – пока освободят линию. Пока Егор Егорович обживал купе, а Луи-Филипп устроился с сигарой... Елена и мисс фон Сталь оставив своих служанок с любопытством изучали поезд. Он и в самом деле вызывал невольное восхищение – три роскошных пассажирских вагона имевших даже свои имена. Вагон для курящих – «Альберт-Виктор», вагон-буфет «Принц» и вагон-салон – он же дамский вагон «Принцесса», а также багажного и технического – он же осветительный. Ибо в этом поезде не было – что ее порадовало – обычных коптящих масляных ламп, а освещение было полностью электрическим. В дамском вагоне было установлено дюжина вращающихся кресел и восемь диванов, обитых синим бархатом. Вежливые и предупредительные проводники в количестве двух сидевшие в своем закутке и появлявшиеся после нажатия кнопки звонка. В общем несколько даже символично – принцесса Орлеанская поедет в вагоне «Принцесса»

Буфет за перегородкой из цветного стекла к которому прилагался пожилой буфетчик с идеально расчесанными бакенбардами мог как гласило меню предложить завтраки, ленчи, чай и ужин. Тут же в центральном проходе в декоративной витрине, увенчанной карликовой пальмой в чугунном горшке, были выставлены книги, конфеты, духи, сигары – все, что могло оказаться нужным путешественнику...

Но вот прозвучал сигнал к отправлению и поезд тронувшись выехал на крутой дугообразный дебаркадер на массивных чугунных колоннах.

За окнами замелькали аккуратные маленькие красно-кирпичные дома под красной же тронутой мохом черепицей, водосточные трубы и булыжник мостовых. Ухоженные крошечные садики и прекрасные английские газоны, своим качеством обязанные как сами хозяева говорят тому что траву на них подстригают уже многие поколения обывателей.

Сходила в вагон соседний, где отец обсуждал с Егором Егоровичем свою идею – написать подробную биографию своего деда. Короля Луи-Филиппа – которого враги изображали с лицом подобным гнилой груше и под дырявым зонтиком. Он был не только принцем и генералом – после казни отца – Филиппа Эгалите он – тогда еще граф Шартрский, храбро воевавший из республики отправился в изгнание; в эмиграции он преподавал географию, затем отправился путешествовать по Америке; после – обосновался на Сицилии; женившись на дочери сицилийского короля.

Потом он после падения Борнапарта он вернулся во Францию. Карл X сделал его наследным принцем... Королем его сделала революция... Другая лишила трона. (Смутьянам правда пользы от этого не было...) Общество редко ценит благодеяния властителей – никому не было дела что время царствование Луи-Филиппа было отмечено ростом народного благосостояния, отменой телесных наказаний, новыми школами для простолюдинов и рабочими местами? Из короля гражданина как подобоострастно именовали его газеты он стал – королем-банкиром. И кому было дело что «король банкир» имел боевые награды и не поморщился когда пуля Луи Алибо прошла рядом с его головой?

Пока Агафоклея смотрела в окно любуясь пейзажами Елена пыталась читать проспект касающийся нового моста. Организации прямого сообщения по восточному берегу Шотландии между Эдинбургом и Абердином мешали два широких фьордообразных залива Северного моря – Ферт-оф-Форт и Ферт-оф-Тей. В 1806 году – еще до железных дорог – под Ферт-оф-Форт было предложено построить туннель, а в 1818 году – мост. Но оба проекта после долгих

мытарств и волокиты были отклонены. В 1865 году биллем парламента было все-таки утверждено строительство моста и опять – проволоочки, согласования и поиск денег... Только через восемь лет консорциум из четырех крупнейших железнодорожных компаний Англии принял проект маститого инженера Томаса Бауча – подвесной мост с двумя пролётами по полторы тысячи футов. Но к 1879 году еле-еле началась установка только одной опоры. После смерти Бауча за дело взялись Джон Фоулер и Бенджамин Бэйкер – и вскоре их проект был заново утверждён парламентом.

На мост ушло почти пятьдесят пять тысяч тонн стали, на него работали два сталелитейных завода в Шотландии и один в Уэльсе. Шесть миллионов пятьсот тысяч только одних заклепок. Как сообщал проспект мост имеет три основные опоры высотой сто метров, а длина пролёта составляет полкилометра! Расстояние между крайними быками – ровно один километр шестьсот тридцать метров или четыре тысячи девятьсот пять футов!

Дюжина каменных оснований-быков – для подготовки их фундамента были изготовлены на судостроительном заводе в Глазго особые кессоны – массивные металлические цилиндры, вертикально погружаемые на глубину девяносто футов. Но они были лишь основой, удерживающей тысячетонные стальные фермы. А были еще особые подъездные пути и многое другое. Кроме того с юга подходит виадук из десяти пролётов по полсотни метров и такой же с севера... Отодвинув наскучивший проспект Елена раскрыла сентиментальный роман «В далеких снегах». Купила она его исключительно потому что там шла речь о России – ну и вообще – надо же дать отдых голове! Автор – некий Пьер Бове рассказал захватывающую для профана и нелепую для понимающего человека историю, происшедшую в России. Начинается она в «закаспийских пустынях» в Тараканской губернии, с похищения очаровательной девчушки – дочери французского натуралиста Шарля де Роше «хищниками-монголами». Пока натуралист изучал красоты природы его маленькая дочь (какого извините черта он взял с собой ребенка в эти самые закаспийские пустыни?), вместе с сыном его русского помощника и слуги Иваном (ну, а как его еще называть?) отошли от лагеря и были украдены бродячей шайкой передвигавшейся на «боевых верблюдах». Так малыши попали в гнездо разбойников. Девочку передали на воспитание жене атамана, а Ивана решили продать в бродячий цирк. Хозяин цирка усыновил мальчишку и воспитал как родного... С девочкой тем временем случилось следующее: у монголов она была выкрадена черкесами и до шестнадцати лет росла среди них, а потом – сбежала от диких горцев угнав у местного шейха лучшего арабского скакуна и присоединилась к тому самому бродячему цирку, где и стала знаменитой наездницей... И вот она встречается со старым монголом-разбойником – после каторги и ссылки ставшим конюхом у князя Курносова (естественно восплававшего к девушке «порочной страстью») и он как-то ей рассказал...

Дальше Елена не стала читать захлопнув книгу с раздраженной насмешкой...

А вскоре в окне вагона вдруг возникла серо-синяя полоска моря и замелькали дома и прибрежные скалы. Вскоре их поезд остановился на станции Саут-Куинсферри – где уже собралось немало гостей. Неподалеку маленький маневровый паровозик выволоч в тупик четыре роскошных вагона – еще один экстренный поезд какой-то важной персоны. Должно быть лорд или миллионер (или кто там еще).

И вот они уже среди толпы приглашенных – напротив южного виадука того самого моста. Два свежеекрашенных столба, между ним красная лента, а рядом – убранная можжевельновыми ветвями платформа прицепленная к маленькому паровозу. На ней как узнала Елена главный строитель моста пересечет его, открыв движение... Вокруг колыхался сдержанный гул мужских и женских голосов. Группами и в одиночку бродили гости ожидая начала церемонии. Одни – в черных пальто и плащах и цилиндрах. У других – форменные шинели под которыми виднелись шитые золотом и серебром мундиры с галунами.

На фоне мужчин своими роскошными туалетами выделялись женщины – их было немало. Молодые и средних лет – старух не имелось. На всех – хоть и не так холодно – драгоценные

меха – шеншелевые, собольи, камчатского бобра. На их фоне ее пальто со скромной куницей на воротнике и такой же шапочкой и лисий палантин мисс Агафоклеи выглядели неприлично скромными. Фон Сталь между тем раскланивался с коллегами. Вот немецкий посол – классический пруссак: военная выправка, седой ежик, монокль, нафабранные усы. Ему бы определено пошел серый военный мундир с Железным крестом на груди. Французский скорее похож на артиста – богемная эспаньолка, цветное кашне, бриллиантовая булавка в шелковом галстуке-бабочке, высокий цилиндр...

Взгляд ее выделил смуглого носатого тощего как Дон-Кихот человека. Под теплым пальто – мундир из белоснежного сукна, на ногах высокие сапоги с позолоченными шпорами на голове – высокая фуражка. Грудь увешанная орденами – иные с чайное блюдце, на длинных пальцах сверкали драгоценными камнями массивные кольца. Персонаж из дешевой оперетки! Осведомившись у стоявшего по соседству пожилого джентльмена Елена узнала что это новый посол Бразилии. Бродили тут и железнодорожные деятели. Какой то краснолицый джентльмен – вылитый Джон Буль – жаловался что влажный воздух, постоянные дожди и шторма создают огромные проблемы при окраске моста. – Как только заканчивали красить мост, оказывалось, что в начале громадной стальной конструкции краска уже облупилась и пробивается ржавчина... Второй зачем-то завел разговор о вокзальных лондонских уборных. Что дескать они быстро выходят из строя ибо изготавливались из чугуна и железа – а медь и бронзу и в конструкции и в отделке помещений нельзя использовать ибо они все равно обречены на исчезновение – по части краж цветного металла Лондон наверное опережает прочие столицы... Елена невольно поморщилась и отошла прочь. В стороне некий седой господин называл мост «верхом уродства». Спросив – кто это такой она узнала что это поэт и художник Уильям Моррис.

Надо ж – какие странные бывают вкусы у людей искусства!

Но вот в толпе началось бурное оживление – это появился наследник британской короны принц Уэльский Альберт. Невысокий, полный, в черном цилиндре и пальто с бобровым воротником поверх белоснежных бриджей, он шел строевым шагом взмахами руки приветствуя публику. А еще Елена обратила внимание на то как словно из под земли сред толпы то тут то там возникли высокие фигуры в одинаковых коротких мешковатых рединготах и котелках – охрана наследника престола. И мимолетно восхитилась. Охрана у царствующего дома Британии была превыше всех похвал – ни разу заговорщикам не удавалось убить ни короля ни кого то из принцев – даже попыток толком не было...

Она внимательно смотрела на старшего отпрыска королевы Виктории и принца-консорта Альберта Саксен-Кобург-Готского. И подумала что это невысокий упитанный рано поседевший мужчина в сущности ничем не примечательный – сын самого могущественного человека мира – самой могущественной дамы – королевы Виктории. Сорокавосемилетний принц ныне был кажется самым старым наследником в истории британской короны. Давно получил прозвище «The Uncle of Europe», так как приходился дядей нескольким европейским монархам, включая и ее будущего мужа Георгия – а заодно и Вильгельма II. Принц Уэльский был женат на Александре, принцессе Датской, сестре вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. От этого брака у английской августейшей четы родилось шестеро детей. Как знали все дядюшка Альберт, государственными делами не особо занимался, но был известен жизнелюбивым нравом, пристрастием к бегам, и охоте на лис. А также как большой поклонник прекрасного пола – предпочитая не знатных фавориток, а актрис – в его постели были и знаменитая Сара Бернар и театральная дива Лилли Лэнгтри славная не столько сценическим искусством сколько скандальными слухами в обществе. Это впрочем не вредило его репутации – и принцесса Александра поддерживала с мужниными одалисками ровные отношения – или вообще не замечала их... Еще Елена вспомнила что еще в 1844 году трехгодовалый принц был награждён высшим русским орденом – Св. Андрея Первозванного. Тогда прадед Георгия – Николай I прибыл в Англию лично, думая договорится с Лондоном о «разделе наследства больного человека» –

как он именовал Османскую Порту. Обещал как Елена прочла в истории Восточной войны он многое – Кипр, Египет, Левант... Себе же хотел лишь Стамбул-Константинополь и черноморские проливы...

Увы – прямолинейный как «palka» в честь которой получил свое тайное прозвище, царь не понял того что лев британский сам возьмет ему надо – где львиной силой где хитростью где «кавалерией святого Георга» Впрочем этого не понимал и сменивший ее деда на французском троне Луи-Бонапарт...

Принц меж тем начал короткую речь – про успехи Империи про непревзойденное мастерство инженеров рабочих и строителей. Елена наблюдала за ним и размышляла...

Затем инженер перерезал ленточку и поднялся на платформу – и поезд под аплодисменты покатился тихим ходом на мост...

Вновь аплодисменты...

Затем – ... Затем Елена обратила внимание сперва на торопливо идущего в ее сторону фон Стааля, а потом лишь на то что к ней приближался наследник британского престола.

И вот принц уже рядом и приветствует ее с доброжелательной улыбкой...

– Ваше Королевское Высочество – подоспевший посол был сама учтивость, – позвольте мне выразить вам свое почтение от имени России...

– Раз видеть вас господин посол, – бросил принц – как от мухи отмахнулся. Если вы не торопитесь, мисс Элен, – продолжил он, – то я хотел бы поговорить с вами. ... Раскланявшись Егор Дмитриевич двинулся прочь. Сложный дипломатический этикет в неписаных, но строгих положениях предписывал послу удалиться – предполагалось, что разговоры царственных особ не касаются чужих ушей.

Принц, нахмурившись, посмотрел фон Стаалю вслед.

– Право же не знаю, дорогая Элен – что вам сказать. Возможно мы более не увидимся – до вашего отъезда – точно, – принц явно начал издали.

Но признаться я удивился – когда императору Георгию удалось получить от вас то на что вы так и не пошли ради моего бедного Виктора! Вы решили сменить веру – хотя не вижу чем российская корона лучше британской. В наше то время...

Елена мысленно покачала головой.

Первым претендентом на её руку и в самом деле был сын принца – Альберт Виктор, герцог Кларенс, однако ее отец, граф Парижский выступил категорически против этого брака. Причиной и в самом деле официально стал религиозный вопрос – мол граф не желал, чтобы его дочь-католичка принимала англиканство. Но на самом деле претендент не нравился ее отцу совсем по другой причине.

Как однажды рассказал он – по достоверным сведениям герцог Кларенс был в числе усердных посетителей печально знаменитого «борделя на Кливленд-стрит». Самая пикантная подробность в этом деле была то что бордель был укомплектован юными мальчиками...

Альберт – Виктор был в итоге отправлен в тур по Индии – но скандал все же вышел наружу и газеты Франции и САСШ писали о «развратном юнце-извращенце, которому никогда не позволят занять престол» Но не говорить же его отцу о подобном?

– Ваше Королевское Высочество... – тихо и вежливо произнесла она. Дело в том что для этого решения в данном случае у меня имелось очень важное обоснование...

Среди моих предков как вы наверное слышали есть и дочь князя Киевского Ярослава Мудрого – Анна. Анна Ярославна – королева Франции – жена Генриха I. Это было еще до нашествия монголов – она про себя усмехнулась вспомнив бредовый романчик про монголов на верблюдах. Но она тоже изменила веру ради короны – и ради Франции. Теперь я изменю веру ради России. Капетинги отдадут долг.

Его глаза чуть сузились. Принц посмотрел на нее так, словно она была неким интересным и необычным насекомым или зверушкой... Но это длилось очень недолго. – Ну что ж... – про-

должил он. Возможно вы и правы – не мне судить. Как бы то ни было, я рад за то что вам предстоит разделить бремя власти с государем правящим одной шестой частью суши. Хотя признать это одновременно тревожит меня, – лицо наследника британского престола выразило самую искреннюю доброжелательность. Ваш будущий супруг уже известен своими реформами – а реформатор – тем более в России сильно рискует... – Ваши слова признать насторожили меня, *сир*, – покачала головой девушка. Но я не думаю что спокойствию России что-то может грозить. Авторитет трона в России стоит весьма высоко насколько мне известно. Нигилисты уже не способны ни на что существенное... (Последнее ею было сказано не без сомнений.) – Но как мы знаем – не один монарх был свергнут своими же сановниками... И Россия увы не исключение. «И некоторым даже помогли лишиться трона и головы твои предки, дядюшка!» – воскликнула про себя Елена впрочем мило улыбнувшись. – Ну... Ваше Высочество, я пока не большой знаток российских дел – однако стараюсь восполнить это недостаток. Но насколько могу понять... Согласитесь – вновь легкомысленная улыбка – было бы странно ждать смуту или переворот из за женского университетского образования и замены «*rudoff*» на килограммы. Поэтому никто в сущности особо и не возражал против – ни в Государственном совете ни в Сенате ни при дворе. Да и какой смысл перечить Императору в таких в сущности мелких затеях? Реформы не касаются ни помещиков ни высшей знати – напротив многие даже будут рады тому что иудейские купцы и банкиры ущемлены. – А вы как отнесетесь к данному утешению, племянница? – вдруг осведомился принц. – Я полагаю что моему будущему супругу виднее какую политику проводить в отношении тех или иных племен своей державы, – ответила она как бы невзначай выделив слово «племен» – в русском этот термин не носил ничего оскорбительного, но во в английском «*the tribe*» обычно употреблялось в отношении разных темнокожих дикарей. – Ну что ж – возможно вы правы... сдвинув брови произнес принц. Тем не менее *племянница* – прошу вас когда вы займете трон – не забывать что Англия стала вам родиной – и вы всегда можете рассчитывать на ее понимание. На ее и лично на мое... – многозначительно подмигнул он. Ведь если вспомнить историю – то наилучшее состояние России в этом веке было при сердечной дружбе между нашими странами – во дни императора Александра I. Но когда его взбалмошный отец поссорился с союзной ему Британией, и когда брат его – Николай решил что пришло время приступить к осуществлению завещания Петра I – это не принесло России ничего доброго. Помните – Элен – Россия все еще загадочная страна таящая под европейским лоском темные азиатские инстинкты... Впрочем, – изменил он тон на одобительно-покровительственный, – мы помним и то как мудрая по европейски образованная монархиня Екатерина Великая сумела поставить Россию вровень с первоклассным европейскими державами. И как знать – я возможно еще буду гордиться что являюсь дядей Елены Великой... С этими словами он вместе со незаметно ставшими за спиной телохранителями двинулся прочь, и толпа, сквозь которую он прошел, разразилась приветственными восклицаниями...

Он направился не к поезду, а к экипажу – как уже знала Елена из разговоров публики принц вместе с сопровождающими должен был сесть на крейсер «Бленхейм» и отплыть в Саут-гемптон.

Принцесса Орлеанская осталась стоять в глубоком раздумье... Вот значит как – принц ей обещает помощь. Но вот только в чем? Ведь если она правильно его поняла – а она поняла его наверняка правильно... Намек то ведь прозрачный – куда уж прозрачнее. Или он думал что Елена не знает как попала Екатерина II на трон? Да – как сказал еще Ларошфуко – «Не имеет значения, названы ли вещи своими именами, лишь бы они хоть как-нибудь были названы». И что он действительно думает что она станет шпионкой Лондона и клеветом Виндзоров при русском дворе? Неожиданная злость – темная и тяжелая накатил на девушку. Вот она – изнанка британской вежливости и гостеприимства! Да только вот она не маленькая глупая девочка какой похоже ее считает Его Королевское высочество! Ему даже не при-

шло в голову что ей то как француженке история с фальшивым «Завещанием Петра Великого» известна более чем кому другому. ...В 1760 года, когда из России в Париж возвратилась французская дипломатическая миссия. И в среде царедворцев стали бродить слухи, что некий шевалье д'Эон, сумел-таки похитить из тщательно охраняемых петербургских архивов невероятно секретный манускрипт – подлинное завещание Петра Великого своим наследникам. По сути обширный, тщательно проработанный план захвата практически всего мира. Петр якобы подробнее расписал, как захватить Польшу, Индию и Ближний Восток, Австрию и германские государства... Вскоре о «Завещании Петра» начисто забыли – публику больше интересовали скандальные похождения данного шевалье переодевавшего в женское платье и под видом собственной сестры проникавшем в альковы российской знати. Потом все изменилось. В декабре 1812 года русская армия, изгнав Бонапарта из пределов Российской империи, перешла границу – кстати вопреки желанию многих военных и самого фельдмаршала Кутузова. Хватаясь за соломинку в Париже вспомнили о той истории. На свет появилось сочинение некоего профессора Лезюра с заумным названием «О возрастании русского могущества с самого начала его до XIX столетия». По клятвенным заверениям ученого, Петр, завещал своим преемникам построить гигантские флоты, нагрузить их «несметными азиатскими ордами», и захватить Италию, Францию, Испанию, и вообще все, что удастся. А потом часть жителей захваченных стран истребить начисто, а остальных угнать в Россию, чтобы заселить ими «сибирские пустыни»... К чести соотечественников, как помнила Елена, книга была встречена откровенными насмешками: все прекрасно понимали, ради чего это состряпано.

Потом – в 1830 году вспыхнуло очередное восстание в Польше. Французы Енно и Шеншо ту же сочинили многотомную «Философскую и политическую историю России», где без всяких ссылок на источники уверяли, что «Завещание Петра Великого» лишь малая частичка жуткой правды и если не помочь полякам то русские орды вскоре двинутся на Запад. Еще через шесть лет издатель Гайярде выпустил «Записки шевалье д'Эона», – с чуть ли не дрессированными медведями, сторожащими дворцы. И само собой секретные бумаги, собственноручно написанные Петром I – опять-таки содержащие планы покорения всего мира. Окончательную точку в истории должны были как будто поставить дотошные парижские архивариусы – они раскопали что все разговоры о зловещих планах Петра началась вовсе не с шевалье д'Эона. Все эти тезисы еще при жизни царя были изложены в книге некоего анонимного автора, вышедшей в 1716 года... в Лондоне. Но... Французский историк Шницлер в ответ прямо заявил: «Завещание», конечно, чушь, но оно прекрасно служит целям антирусских выступлений». Что показательно российские историки отчего-то долгими десятилетиями нисколько не были озабочены хотя бы малейшими попытками опровергать эту фальшивку. Что на взгляд Елены было лучшим доказательством того что она к истине не имеет ни малейшего отношения...

Зато истинно другое. Принц Альберт распинался о достоинствах дружбы с Англией. Но друзей у льва быть не может – в лучшем случае временные союзники. Сменивший ее деда на престоле Луи-Наполеон испытал это на себе. Когда в награду за кровь тысяч «пуалю» пролитую в никак нужном Франции Крыму он получил палки в колеса на Ближнем Востоке и в Мексике, адскую машину Мадзини еле-еле не отправившую его на тот свет и полное равнодушие в 1870 – когда пруссаки разбили Францию воистину «громовым ударом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.